

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

РОССИЯ ВСЕГДА ПРАВА!

Бремя империи

Александр Афанасьев

Россия всегда права!

«ЭКСМО»

2012

Афанасьев А. Н.

Россия всегда права! / А. Н. Афанасьев — «Эксмо»,
2012 — (Бремя империи)

Июнь 2012 года...Североамериканские Соединенные Штаты задыхаются в двух локальных конфликтах одновременно. Помощи им ждать не от кого. Лишь вмешательство России, сильной, самодержавной, обладающей огромным опытом умиротворения агрессивно настроенных аборигенов, с многомиллионным казачеством, способным быстро сформировать не одну полевую армию и направить ее в кризисный регион, может стать решающим в деле замирения южноамериканского континента и прекратить продолжающееся много лет кровопролитие. Но далеко не всем по нутру участие Российской империи в американских делах. Британский лев встал на дыбы, и взор его направлен по ту сторону Атлантического океана...

© Афанасьев А. Н., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Время настоящее	6
Ударный вертолет «Сикорский-59».	11
Вашингтон, штат Колумбия.	12
Севернее Ревеля.	15
Гнездо Кондора.	23
Ударный вертолет «Сикорский-59».	25
Перу.	27
Гнездо Кондора.	31
Ударный вертолет «Сикорский-59».	33
Вашингтон, штат Колумбия.	34
Штурмовая группа	35
Перу.	36
Капитан Риц-Дэвис	37
Штурмовая группа	38
«Драгун-один»	40
Вашингтон, штат Колумбия.	41
Штурмовая группа «Золотые»	42
Штурмовая группа «Черные»	43
«Драгун-один»	44
Штурмовая группа «Черные».	45
Гасиенда	46
Авианосец «Императрица Екатерина»	47
Где-то в Перу	50
Картинки из прошлого	51
Картинки из прошлого	55
Ночь на 29 августа 2002 года.	61
Июнь 2005 года.	66
Картинки из прошлого	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Александр Афанасьев

Россия всегда права!

Диктаторы ездят верхом на тиграх, с которых боятся слезть, а тигры между тем становятся все голоднее.

Уинстон Черчилль. «Пока Англия пребывала во сне»

Для того чтобы побеждать, надо побеждать. Надо желать победы, как ничего другого в этой жизни, надо жаждать ее, пусть эта победа будет последним, что у тебя будет в жизни. Надо помнить, какова должна быть твоя победа, и идти к ней, невзирая на боль, лишения и потери. Нельзя оскорблять победу словами типа «приемлемая победа», «победа по правилам», «моральная победа» и тому подобными. Победа всеобъемлюща и очевидна, когда кто-то победил – это сразу понятно и видно, и не может быть никаких двойных толкований этого. Победитель – может и должен проявить снисхождение к побежденному, в то же время не победивший обычно бывает жесток, потому как он должен закрепить свое превосходство над непобежденным, продолжающим оставаться опасным врагом.

В этом и заключалось отличие России от всех других стран мира. Позиция Англии – победить, если к этому будет хоть малейшая возможность. Позиция Священной Римской Империи – победить, если боги будут с нами. Позиция Северо-Американских Соединенных Штатов – увы... победить, если политики не помешают.

Позиция России – победить или умереть. Никакие другие варианты не рассматриваются.

Северо-Американские Соединенные Штаты не смогли одержать победу в войне. Российская Империя – победить смогла.

Время настоящее
11 июня 2012 года.
Юг тихоокеанской зоны.
Ударный авианосец «Императрица Екатерина Великая».
Операция «Южный контроль»

Операция «Южный контроль» должна была стать – и стала, хотя совсем не так, как планировали ее создатели, – этапной во взаимоотношениях России и САСШ, во взаимодействии русской и североамериканской армии. Северо-Американские Соединенные Штаты, великая, без сомнения, держава, захлебывалась в двух локальных конфликтах, ошутимо теряя свою силу и боевой дух. Армия растренировывалась, потому что любой спортсмен вам скажет, что для поддержания должной формы нужно встречаться с противниками сильнее себя, чтобы расти и самому. Конгресс бунтовал из-за военных расходов, вся экономика, кроме военно-промышленного комплекса, находилась не в лучшем состоянии. Заметно обострились противоречия между испаноговорящими и англоговорящими жителями САСШ, чего раньше никогда не было. К месту возможного пиршества уже стягивались акулы, почуявшие кровь. В этот момент – вмешательство России, сильной, самодержавной, с армией, обладающей огромным опытом умиротворения агрессивно настроенных аборигенов, с многомиллионным казачеством, способным быстро сформировать не одну полевую армию и направить ее в кризисный регион, – так вот вступление России в игру на стороне САСШ могло стать решающим в деле замирения южноамериканского континента и прекращения продолжающегося много лет кровопролития. Ошибки, по какой бы причине они ни были допущены, полагалось исправлять.

Для чего это надо было России? Первая причина – геополитическая. В последние два десятилетия Великобритания и Япония, два смертельных врага России, сделали ставку на разжигание исламского экстремизма и на стравливание юга с севером. Священная Римская Империя – она хоть и союзник, но ей встречать невыгодно, для нее самая выигрышная позиция в стороне и глупо думать, что Кайзер поступит по-другому. А вот для Северо-Американских Соединенных Штатов проблема противостояния юга и севера – очень болезненная. И союз России и САСШ как стран севера мог с самого начала сделать бессмысленным наступление юга на север, варварства и беззакония – на порядок, безвластия – на власть.

Вторая причина – собственно политическая. Центральная и Южная Америка сделали рассадником нового явления – агрессивного левачества троцкистского типа. Здесь и сейчас, в начале двадцать первого века происходило то, чего с таким трудом избежали в России на сломе предыдущего века. Крестьянская община, яростно сопротивляющаяся раскрестьяниванию и обезземеливанию, правое правительство на штыках армии и дубинках полиции, Корпус морской пехоты САСШ в качестве окончательного решения любых вопросов. Только тут прибавилось кое-что, чего не было в России, – деньги! Кока, кустарник, который несколько десятилетий назад считался сорняком, – теперь изменил все. Крестьянская община поразительно быстро трансформируется в наркомафиозную или террористическую группировку, продажа одного урожая листьев коки дает возможность вооружиться до зубов и прожить до следующего урожая, противотанковый гранатомет – подбивает экспедиционную боевую машину Корпуса морской пехоты, теоретики городской герильи – подсказывают, как сбросить правительство и ликвидировать чужое, ненавистное государство. Агрессивное левачество, нарколевачество могло выплеснуться за пределы континента, поджечь весь мир идеями примитивно понимаемой уравнилительной справедливости, отката назад к общине. И для того чтобы оставить мир таким, каков он есть, Николай принял решение помочь североамериканцам силой.

Третья причина – вполне конкретная. Отношения с боссом всех боссов мексиканцев, которому кто-то помог стать таковым, убирая конкурентов, были напряженными. Альварадо по понятным причинам ненавидел Россию, и в случае его прихода к власти центр и юг североамериканских континентов превращались в огромную зону не только противоамериканского, но и противорусского действия. А такое надо было давить в зародыше – войной на чужой земле, если не хочешь воевать на своей.

Конечно, у России были и экономические интересы как в регионе, так и в континентальной части САСШ. Начиная от покупки русскими купцами сталеплавильных заводов и заканчивая выделением участков для глубоководной добычи нефти и газа. Но хабар мародера нельзя ставить на одну доску с военным трофеем, и Николай Третий сразу и прямо сказал, каких интересов Россия ищет в регионе. И только получив надлежаще подписанные секретные документы о разграничении интересов, приказал разведке и частям Флота Тихого Океана начинать действовать...

Атомный ударный авианосец «Императрица Екатерина Великая» в сопровождении крейсера УРО «Пересвет», среднего десантного корабля «Николаевск-на-Амуре», эскадренных миноносцев «Быстрый», «Бойкий» и «Ретвизан» в сопровождении атомной подводной лодки «Барракуда» медленно смещался на юг, идя параллельно тихоокеанскому побережью Южной Америки. Было раннее утро, авианосец еще не начал выпускать самолеты – и в воздухе держались только две пары самолетов прикрытия дальнего рубежа, наводимые с боевых постов авианосца. Официальной целью похода АУГ – авианосной ударной группы – были совместные учения, поэтому к русской группе четыре дня назад присоединились крейсер УРО «Адмирал Джим Д. Лефтивич» типа «Тикондерога» и легкий вертолетоносец литоральных вод¹, построенный на основе корпуса эсминца типа «Эрли Берк» под названием «Гавайи».

Присутствие столь мощной боевой группы кораблей не могло не привлечь внимания флотов стран потенциального противника. В кильватер группы, соблюдая неофициально установленное расстояние, в пять морских миль пристроился японский тяжелый крейсер «Ахари», на нем постоянно фиксировалась работа радаров и запуск беспилотников. Британцы прислали судно под названием «Калипсо» – оно принадлежало королевскому океанографическому обществу, но занималось изучением не океана, а того, что по нему плавает. Пользуясь мирным статусом, судно подошло намного ближе к группировке, чем японский крейсер, и лишь после того, как его несколько раз облетел вертолет на низкой высоте, а один из эсминцев симитировал намерение вытеснить чужака навалом², британцы перестали лезть на рожон.

Официально программа учений была завершена, поэтому большая компания американцев перешла на русский авианосец с целью отпраздновать совместные учения. На огромной палубе выставили столы, приготовили только что наловленную рыбу, русские поставили на стол красное вино и коньяк, который полагался морякам вечером «от Государя». Ремонтники умудрились подключить к системе громкой связи авианосца магнитофон – и до трех часов ночи над Тихим океаном разухабисто громыхал североамериканский рэп, русская попса и сербский турбофолк, который был очень популярен в России. Палуба авианосца отлично подходила для танцев, североамериканцы пытались научить русских танцевать рэп, а русские – как правильно «резать казачка», но с рэпом получалось лучше, потому что танец намного проще. Среди североамериканцев были четыре женщины, которым разрешалось служить на флоте, – и уж они-то

¹ В нашем мире не существует. Но проектировался, и я считаю, что не построили очень зря. В условиях современной войны, предполагающей не войну флотов, а атаки целей на берегу, гуманитарные операции, борьбу с пиратами, – такой корабль с четырьмя вертолетами и полуротой спецназа на борту просто идеален.

² То есть столкновением бортами.

воспользовались званием «королев бала» сполна. Как там... это там я Баба-Яга, а тут – Василиса Прекрасная³.

Британцы, видя столь праздное настроение русских и американцев, тоже расслабились, возмещая четыре дня напряженного внимания. Капитан японского крейсера, послушав, что происходит на авианосце через систему прослушивания, пробормотал «Свиньи!» – и вернулся к выполнению своих должностных обязанностей. Да, у них тоже развлекались, но не так, они чаще всего пили саке, музицировали и читали стихи в кают-компании под бдительным взглядом еще молодого императора, Сына Неба, чей портрет был самой большой ценностью на корабле. Если бы тогда русские не помогли североамериканцам...

Впрочем, время еще придет. Капитан верил в это. И не знал, что стрелки точнейшего хронометра из Осаки уже отсчитывают первые его минуты...

Сигнал тревоги прозвучал на огромном корабле ровно в два часа по корабельному времени. Громкая связь не использовалась: нужным офицерам приказано было собраться на посту управления авиационной группой⁴. Тихо и собрались – а особая группа, она давно квартировала в отдельных помещениях, ее и собирать не надо.

Когда собрались – русские и американцы, все вместе, – местный контрразведчик, майор Головачев, раздал всем толстые конверты из манильской бумаги, опечатанные сургучными печатями еще в Адмиралтействе. Посмотрел на часы, поставил отметку в журнале ознакомления с секретной информацией.

– Господа, вскрыть конверты!

Едва слышный хруст сургуча, треск бумаги.

Боевой приказ, подписанный начальником главного оперативного управления Морского генерального штаба. Еще один – секретная директива Совета национальной безопасности САСШ за личной подписью президента, предписывающая всем военнослужащим вооруженных сил САСШ сотрудничать с русскими в рамках проведения операции «Южный контроль». Схема оперативного подчинения. Задачи, придаваемые средства. Пределы применения силы. Расчет операции по времени. Пути отхода. Спутниковые и обычные карты местности, снимки цели.

Майор по адмиралтейству Сабаашвили, командир группы «Драгун» (вертолетная группа), возящий спецназ морской пехоты, удивленно присвистнул, глядя на свое задание. Взлет с палубы... без освещения, без контрольного висения, с выключенной системой опознавания... как во время боевых действий. Такие взлеты с палубы авианосца они уже отрабатывали, но без десанта, – чтобы если угробишься, то угробишься только сам с экипажем. Проход на предельно малой... североамериканский блок системы опознавания «свой – чужой», чтобы обмануть радарные станции раннего предупреждения, которые караулят возможные действия японцев... и русских тоже. Выход к цели... доразведка и подавление воздухоопасных целей при помощи боевого БПЛА с управляемыми ракетами... сброс десанта и поддержка его действий огнем бортового оружия...

Веселенькое дело.

На соседнем кресле – командер ВМФ САСШ, командир группы особого назначения «Сабля» ВМФ США Ник Петрелли вчитывался в свое задание. Доставка русскими вертолетами... на время доставки в оперативном подчинении майора... господи, ну и фамилия. Полу-

³ Анекдот, который в нашем мире пришел из Афганистана. Спрашивают Ивана-дурачка – как служится? Плохо, дороги – мина на mine, то и дело обстреливают. Спрашивают Змея Горыныча – как служится? Плохо, обстреливают, все крылья «стигерами» поотшибали. Спрашивают Бабу-Ягу – как служится? Э, нет, товарищи, это у вас я Баба-Яга, а здесь – Василиса Прекрасная, однако...

⁴ На авианосцах – не один пост управления, как на других кораблях, а три. Пост боевого управления судном – там находится командир авианосца, флагманский пост боевого управления – там находится командующий ударной авианосной группой, и пост управления авиационной группой (КДП, командно-диспетчерский пункт) – там находится командующий летными операциями и при нем два офицера связи – от капитана судна и от флагмана АУГ.

чается, на сей раз их вывозят русские... хорошо, что его подразделение тренировалось именно в России. Сброс по тросам, в критической ситуации – штурмовым способом (с ума сошли, что ли?). Прорыв к объекту, защищенному и охраняемому не менее чем пятьюдесятью танго, вооруженными армейским оружием. Цель – Мануэль Альварадо, он же Старик... взять живым или мертвым. Доставка тела – обязательное условие операции. В критической ситуации – рассеиваться, пробиваться к столице (это по сельской местности, где североамериканцев ненавидят как самого дьявола!), выходить на связь с североамериканским посольством.

Если кто дойдет.

Чуть в стороне – свое задание читает «летный босс», поднятый с кровати старший оперативный офицер боевого применения авиации, капитан первого ранга Михаил Горбатов. Обеспечить взлет четырех боевых вертолетов с десантом на борту и одного разведывательно-ударного БПЛА... без освещения, без контрольного висения, без разведки погоды... поднять в воздух дежурную четверку истребителей, самолет ДРЛОУ и самолет РЭБ⁵. Выставить на стартовые позиции истребители-бомбардировщики «С34», вооруженные «ПКР», быть готовыми к боестолкновению с флотами иностранных держав. При подаче группой «Драгун» условного сигнала «Пожар» – разрешается войти в воздушное пространство югоамериканского континента с целью прикрытия группы «Драгун» от противодействия с воздуха. В критической ситуации разрешено выйти на связь с ударным авианосцем «Теодор Рузвельт», командующий «АУГ» контр-адмирал Магауб, сообщения предварять условным кодом «пожар»... обязаны оказать содействие в выполнении задач против британского или японского флотов.

Да уж... Война, кажись, начинается.

– Приступаем, господа. Оперативное время два часа... – капитан первого ранга Горбатов посмотрел на часы, – и уже семнадцать минут. Корабельное время три часа двадцать одна минута. Авианосец движется курсом сто девяносто, скорость семнадцать узлов в расчетную точку один мы выйдем через... двадцать девять минут. Капитан-лейтенант Лихтер, вы достаточно понимаете русский язык? Вам не нужен переводчик?

– Сэр, я читал Лермонтова в подлиннике, сэр... – ответил капитан-лейтенант американского ВМФ Джек Лихтер, остающийся на борту русского авианосца офицер связи североамериканского ВМФ.

– Тогда приступаем. Запросите ноль⁶, что там?

Второй помощник, трезвый как стеклышко, взял микрофон, соединенный с внутренней, проводной связью корабля.

– «Драгуны», я контроль, доложите.

– Господин кап-два⁷, мы на исходной.

– Готовность пятнадцать.

– Есть готовность пятнадцать, исполняю...

– Запросите добро.

Один-единственный радиовсплеск, миллионная доля секунды – один условный сигнал метнулся на спутник связи. И вернулся – поразительно быстро.

– Сэр, у нас есть добро!

– Внимание, боевая тревога по кораблю! По местам стоять! Летному составу, группе руководства полетов, командирам боевых частей, начальникам служб доложить о готовности! Активировать второй подъемник, машины группы «Драгун» выставить на позиции с третьей по шестую и доложить!

⁵ ДРЛОУ – дальнего радиолокационного обзора и управления. РЭБ – радиоэлектронной борьбы.

⁶ Нулевая палуба.

⁷ Капитан второго ранга. В боевых условиях допускается, в обычных это хамство и нарушение субординации.

- Есть.
- Доложить курс, скорость корабля...

Ударный вертолет «Сикорский-59». «Драгун-один»

Приземистые палубные тягачи, каждый из которых был по пояс взрослому человеку, один за другим сноровисто вытащили на исходные четыре транспортно-ударных вертолета Сикорского. Североамериканские, на которых *гости* прилетели на вечеринку, один за другим спустили на вторую палубу, североамериканский морской флот получит их позже. В это же время, когда вниз отправляли североамериканские вертолеты – вверх, по одному поднимали русские. Нельзя было допустить, чтобы японцы и особенно англичане по изменению радиолокационного изображения корабля поняли, что готовится десантная операция.

Дон Мануэль Альварадо не был таким уж неуловимым. Просто кто-то сильно помогал ему быть неуловимым.

Бойцы в черном русском обмундировании и с русским оружием сноровисто грузились в десантные отсеки «Сикорских».

– «Вышка-контроль», я группа «Драгун», запрашиваю разрешения на взлет в секторе «Восток». Позиции с третьей по шестую вертолетные, позывные с «Драгуна-один» по «Драгун-четыре», – запросил Сабаашвили взлета на всю группу разом.

– «Драгун», вам разрешен взлет в секторе «Восток», сектор свободен. Ветер встречный, десять метров в секунду.

– «Вышка», вас понял, взлетаю...

Майор по адмиралтейству Сабаашвили, грузин, который променял горы на водную гладь и стальную палубу авианосца под ногами, двинул вперед рукоять управления тягой, наращивая отдачу турбин, но плавно. Взлетать на авианосце – это тоже искусство, над океаном очень резкие и непредсказуемые ветры, могут даже сбросить машину с летной палубы. Тем более без контрольного висения, что с двигателем или порыв ветра сильный – и все как минимум тяжелое летное происшествие.

– Тяга шестьдесят. Шестьдесят пять. Температура в норме. Семьдесят...

Поймав момент, майор двинул сектор резче – и сработал ручкой управления. Ударный вертолет как бабочка сорвался с палубы авианосца, на мгновение показалось, что он так и упадет в воду, но нет, несущие винты уверенно врубились в воздух и понесли вертолет вперед.

Следом, в кромешной темноте, ориентируясь ли на свой опыт и очки ночного видения, рванулись остальные «Драгуны».

– «Вышка», я «Драгун», взлетел успешно.

– «Драгун», подтверждаю, на палубе чисто.

– «Драгун-один» всем «Драгунам», курс восемьдесят, ориентируйтесь по мне. Высота низко-низко, режим радиомолчания. Не подтверждать.

Четыре вертолета, выстроившись неровным клином, неслись к южноамериканскому побережью.

Вашингтон, штат Колумбия. Белый Дом, ситуационная комната

Ситуационная комната, или, если пользоваться военными терминами, зал боевого управления, расположена в левом, рабочем крыле Белого дома, на первом этаже, под нее, кажется, перестроили одну из столовых – по крайней мере, на эту мысль наводит планировка комнаты. Это довольно большая – по североамериканским меркам, по меркам России ужасно тесная – комната, стены в которой покрыты дорогими обоями кремового цвета. Нормальной люстры в этой комнате нет, освещают ее ширпотребовские дешевые светильники. На стенах довольно тесно висят картины, каждая из которых показывает какое-либо славное деяние армии Северо-Американских Соединенных Штатов, есть и картины, изображающие военачальников. Основную часть комнаты до семидесятых годов занимал стол, большой, в форме вытянутого прямоугольника с закругленными углами и пустым местом внутри, в пустом месте раньше стояли кадки с цветами, но сейчас их убрали, потому что техника Секретной службы было проблематично проверять их на подслушивающие устройства. При предыдущем хозяине Белого дома были идеи сменить этот стол на нечто более современное, в стиле модерн, возможно даже прозрачное, из небьющегося стекла, но общими усилиями президента уговорили не делать этого, не ломать исторический облик кабинета.

Сейчас в ситуационной комнате был аншлаг, аншлаг самого худшего плана – примерно такой, какой бывает на премьерах нового голливудского триллера. Стульев не хватало, все старались подобраться к экрану как можно ближе – потому что сидевшие в этой комнате люди были довольно пожилыми и зрение их оставляло желать лучшего.

– Черт, просто поверить не могу, что мы на это решились, – проговорил Президент Северо-Американских Соединенных Штатов Дарби Морган, поправляя очки на своем добродушном крестьянском лице, – если мы облажаемся, мы станем посмешищем на весь мир. Черт, просто поверить не могу во все это дерьмо...

– Сэр, облажаются русские, а не мы, вот и все, что произойдет, – с дипломатичностью слона ответил министр безопасности Родины Тодд Уэзерс.

– Кажется, взлетают...

– Никак нет, сэр. – Четырехзвездный генерал, бывший командующий Корпусом морской пехоты САСШ, ныне помощник президента САСШ по вопросам национальной безопасности Хэл Фернесс был одним из тех немногих людей, которые и в самом деле понимали, что происходит на палубе русского авианосца, идущего параллельно тихоокеанскому побережью Южной Америки несколькими тысячами миль южнее Вашингтона. Он смотрел на экран, на который подавалась картинка с нескольких камер, с профессиональным интересом, отмечая промахи и достижения палубных служб русского авианосца. Адмирал флота Томас Грегори III, специалист по комбинированным воздушно-морским операциям, с использованием авианосных сил флота оценил бы ситуацию лучше – но увы, он намертво застрял в Бразилии и не мог бросить находящийся там контингент. Так что в роли специалиста в этой комнате приходилось выступать ему, и не сказать, что четырехзвездному генералу это нравилось. Все равно что выступать перед сборищем по-каннибальски довольных свиней.

Президент Северо-Американских Соединенных Штатов Дарби Морган был избран от Демократической Партии САСШ подавляющим большинством голосов в пятьдесят девять процентов избирателей. В Северо-Американских Соединенных Штатах сорок процентов избирателей будут голосовать за республиканского кандидата, даже если от этой партии свою кандидатуру выставит сам Сатана – и столько же избирателей решат поддержать Сатану, если он выставит свою кандидатуру от Демократической партии САСШ. Решают же, кто станет очеред-

ным главой государства, оставшиеся двадцать процентов избирателей, в них входят те немногие, кто определяет политические симпатии не по партийной принадлежности, и люди, которые ходят на выборы время от времени, когда все окончательно достало. На выборах восьмого года за кандидата Моргана проголосовали девятнадцать неопределившихся из двадцати, а это был очень серьезный перевес.

Дарби Морган был полной противоположностью всем надоевшему Джону Томасу Меллону. Меллон был крайним республиканцем – Морган крайним демократом. Меллон открыто поддерживал смертную казнь, при нем во власть выдвинулся психопат Миз, бывший прокурор Калифорнии, который требовал *массовых* казней, – Морган был адвокатом в прошлом и категорическим противником смертной казни. Меллон поддерживал военные усилия САСШ, он устроил стране совершенно ненужную ей войну в Бразилии и разжег по-настоящему серьезный пожар в Мексике, – Морган пришел к власти на обещаниях вывести войска. Меллон, приняв экономику с профицитным госбюджетом, за десять лет довел ее до грани банкротства, – Морган и его люди пока держали ситуацию, правда, им пришлось пойти на раскручивание инфляционного механизма, чтобы обесценить долг правительства и домохозяйств и оживить экономику. Дарби Морган был не самым привлекательным из президентов – этакий толстяк с простецким крестьянским лицом и голубыми глазами, поблескивающими из-под очков в тонкой оправе. Он не умел говорить, как великие президенты прошлого, он не умел очаровывать избирателей. Избиратели проголосовали за него во многом потому, что Меллон своей разрушительной политикой успел изрядно поднадоесть одним и довел до белого каления других. Но как бы то ни было, бывший адвокат и профессор права въехал в особняк на Пенсильвания-авеню 1600, и от него сейчас зависела внешняя и внутренняя политика единственной демократической сверхдержавы мира.

Сейчас президент, опасно качаясь на стуле – давняя и вредная привычка, еще с университета, – смотрел на экран, почти ничего не понимая из происходящего.

Впрочем, остальные понимали не больше.

На экране одетые в черные штурмовые комбинезоны, с оружием, бойцы бежали к раскручивающим лопасти вертолетам.

– Кто это? Боевые пловцы? – спросил министр финансов.

– Не совсем. Это новая, экспериментальная часть. Согласно вашим указаниям был налажен контакт с русскими, мы отправили нескольких парней к ним, а они нескольких своих – к нам. Это североамериканцы, настоящие североамериканцы, лучшие из лучших, выпускники морских кадетских корпусов, но они прошли подготовку в России. Они умеют говорить по-русски, пользоваться русским оружием и десантироваться с русских вертолетов. Никого другого мы не могли направить на это задание.

– Эта программа до сих пор действует? – спросил президент.

– Да, сэр.

– Джентльмены, они взлетают.

– Проверка каналов.

Было видно, как головной вертолет отрывается от земли – и тут изображение с камеры, установленной на палубе авианосца, сменилось мешаниной изображений, мозаикой. Все они были непонятными, дергающимися и страшными – из-за красного света, который служил фоном.

Зазвонил телефон, министр обороны снял трубку:

– Все о'кей, Чарли, есть контакт, – и, обернувшись к остальным, объяснил: – Это изображение с нашлемных камер, оно передается на спутник и сюда, к нам. Теперь мы сможем видеть, что происходит в реальном режиме времени.

Министр обороны настоял на нашлемных камерах не случайно. Его атаковали со всех сторон, требовали сокращения бюджета – и вот такая демонстрация возможностей североамериканцев.

риканской военной машины, первым лицам и в реальном режиме времени, должна была впечатлить президента и вспомниться ему, когда будет очередная битва за бюджет. Министр обороны, один из немногих в истории этой страны, был профессиональным военным. И он стал министром, потому что знал, как именно заставлять гражданских раскошелиться.

Севернее Ревеля. Российская Империя

В одном из неприметных кабинетов, расположенных на минус восьмом уровне – тридцать метров под землей, над ним – скальная толща утеса, монолит, – за неприятным деревянным обшарпанным столом сидел человек. Перед ним была папка с красной обложкой и зловещим грифом «Особая папка. Допуск не ниже V», сбоку от него стояла большая, чуть ли не на пол-литра, чашка крепкого, дегтярной черноты грузинского чая, который этот человек время от времени прихлебывал и довольно шурился. У двери без таблички застыли в карауле двое бойцов Лейб-гвардии Императорского казачьего конвоя, охраняя Государя не от врагов, а прежде всего от посетителей, ибо Государь изволил потребовать полчаса тишины и одиночества. Государь Николай Третий, сидя в кабинете с голыми бетонными стенами, медленно листал папку и думал.

Мануэль Гарсиа Альварадо. Крестный отец Центральной Америки. Главный враг САСШ и России на этом направлении. Как же так получилось, что он стал тем, кем он стал?

В отличие от других боссов наркомафии, к этому моменту покоящихся в земле, Мануэль Гарсиа Альварадо происходил не из нищей крестьянской семьи, занимавшейся возделыванием марихуаны на тайных горных полянках. Наоборот, его семью, особенно по отцовской линии, можно было отнести к мексиканской олигархии. Один из его дедов, Норберто Альварадо, поднялся во времена сухого закона в Штатах, гоняя корабли с выпивкой через Мексиканский залив и держа заведения для развлечения иностранцев (выпивка и девочки) по всей южной границе штата, где случалось, что граница между странами проходила через большой город, деля его на две части. Еще один дед Мануэля Альварадо служил министром в правительстве Карретаса и был убит в результате покушения левацкими боевиками, теми самыми, на которых делает ставку внук. Наконец, один из прадедов Альварадо со стороны матери был архиепископом Мехико и примасом Мексики. Это был большой и дружный олигархический клан, владевший очень многим.

Сам Мануэль Гарсиа Альварадо родился вовсе не в Мексике – он родился в Корал-Гейблс, в очень дурном районе юга САСШ рядом с Майами, одном из общеамериканских гнезд преступности. Там находили свой приют убийцы, проститутки, карточные игроки, нелегальные торговцы спиртным – и все, кто был связан с североамериканским дном. Там вопреки общепринятому мнению были и дорогие дома, и в одном из них увидел свет тот, кому предстояло стать врагом Северо-Американских Соединенных Штатов номер один. Парадокс – но этот враг родился на земле САСШ и мог быть (а возможно, и был!) североамериканским гражданином.

Его отец, Гарсиа Альварадо, бежал из страны вместе с десятками других бизнесменов, когда генерал Мачадо вместе с группой решительно настроенных офицеров сверг демократическую власть в Мексике и установил военную диктатуру. Он не был левым, как о нем потом говорили, скорее он решил перераспределить богатства страны... несколько иным образом и, конечно же, в свою пользу. Сначала САСШ признали диктатуру Мачадо, но признавали ее только до тех пор, пока в стране не оказались ущемлены права североамериканских монополий. Мачадо моментально стал коммунистом, ставленником левых, желающим провести в стране конфискации собственности и установить левую диктатуру. Свергли его высадившиеся в стране североамериканские морские пехотинцы – это обошлось всего в несколько сотен убитых, а генерала даже не судили, позволили уехать из страны на Кубу. Там он жил в относительном богатстве, там и скончался.

Самое интересное, что Гарсиа Альварадо в период ссылки в Майами контактировал с двумя людьми, которые и сыграют потом столь значительную роль в судьбе их семьи. Первым

был Буэнвенидес, бывший и будущий правитель, сержантом возглавивший переворот и потом бежавший из страны. Он жил роскошно, имел поместье в Дайтона-Бич, но регулярно приезжал в Корал-Гейблс поиграть в подпольных казино и потискать шлюх. Потом под влиянием мафии он снова организует государственный переворот на Кубе, устроит из страны казино-бордель, выдержит гражданскую войну, высадит на североамериканских штыках, на штыках морских пехотинцев и скончается от рака. Вторым был Лазарес, бизнесмен, беглый олигарх и отец Томасо Лазареса, будущего президента Мексики. Этот жил в более пристойном месте, чем Корал-Гейблс, но активно участвовал в жизни мексиканской общины в изгнании, организовывал лоббистские высадки в Вашингтоне, рассказывал о коммунизме генерала Мачадо всем, кто хотел это слушать, и всем, кому это было совершенно неинтересно, и добился все-таки своего.

После свержения Мачадо конфискованное у североамериканцев отдали обратно североамериканцам, ну и если так, непорядочно было не вернуть собственность ограбленным Мачадо местным бизнесменам. Бизнесмены вернулись в страну, можно сказать, что победителями. В стране оставалась морская пехота САСШ как гарант незыблемости ситуации в стране. Был принят закон Грейнджера об оказании массовой помощи Мексике.

С конца пятидесятых по начало восьмидесятых годов обстановка в стране была спокойной: настолько спокойной, что в семидесятом был резко сокращен контингент морской пехоты в стране. Однако нарастал раскол. Закон Грейнджера привел к тому, что промышленность Мексики хоть как-никак, но обеспечивавшая страну, либо разорилась, либо перешла под контроль североамериканцев. Пострадало сельское хозяйство: в страну стали ввозить все больше и больше пшеницы из центральных штатов САСШ и мяса бычков из Техаса. Города постепенно правели, а деревня, наоборот, сдвигалась влево, снова выползал на свет призрак революции и гражданской войны десятого-семнадцатого годов, когда из пятнадцати миллионов населения страны погибли два миллиона. Крестьяне, особенно в западных и северных штатах, все больше и больше склонялись к разведению марихуаны как более выгодного и менее затратного продукта, ведь конопля – это сорняк! В САСШ после сексуальной революции конца шестидесятых, после всеобщего хиппования, потребителей марихуаны становилось все больше и больше. Травку курили и солдаты, которых отправляли умирать в место со зловещим названием ТОЗ – тихоокеанская зона. В выигрыше – были лишь те бизнесмены, которые каким-то образом получили доступ к распределению государственных средств, поступающих по программе помощи. Вот там проблем с деньгами не было. К числу таких приближенных относился и Хорхе Альваро, который отправил сына учиться в жутко дорогое место – в Рим. Там Мануэль Альваро пробыл семь лет.

После окончания Тихоокеанской войны во всей Центральной Америке начинается дестабилизация. Из Индокитая североамериканские солдаты привезли привычку потреблять героин – тяжелейший наркотик, который в массовом порядке применяли в Континентальной Японии как средство держать огромные массы людей в покорности и заставлять работать на износ. Это шло еще от англичан – но если англичане торговали опиумом к своей выгоде, то японцы – чтобы делать людей рабами. В Колумбии и некоторых других странах региона хорошо растет еще одно наркосодержащее растение – кока. Листья коки перерабатываются в кокаин. Белый порошок, который так популярен в кругах богемы. Белую пудру смерти. До семидесятых кокаин производился в небольшом количестве и был слишком дорог для того, чтобы его мог позволить себе массовый потребитель. В конце семидесятых ситуация меняется на глазах, за три-пять лет цена на наркотик падает в несколько раз, и те, кто раньше курил травку, уже вовсю нюхают кокаин и вкалывают в вену героин. Начинается массовая наркотизация страны.

Североамериканские спецслужбы и армия начинают бороться против нового врага, главный штаб которого расположен в городе Медельин, Колумбия. Полуторамиллионный город, где дорогих машин продается больше, чем в столице, где открыли бутики все известные мировые дома моды, где людей убивают на улицах ежедневно и ежечасно, где ненасильственная

смерть мужчины считается исключением из правил, где вдов больше, чем в любом другом месте мира. Местные наркос организуют картель, предназначенный не только для регулирования цен и объемов производства кокаина, но и для захвата власти в стране. Они убивают политиков, судей, военных, наводя на страну ужас. Свидетели отказываются давать показания, военные отказываются ходить в джунгли, полицейские, перехватившие партию кокаина, звонят ее владельцам и возвращают за треть цены. Как и везде в Латинской Америке, в Колумбии существуют леваки, и наркомафии удается быстро договориться с ними: вооруженные леваки становятся киллерами наркомафии, охраняют лаборатории. Закупаются буквально горы оружия. Совершенно очевидно, что все это неспроста: Япония подбирается уже вплотную к континенту, североамериканцы эвакуируются из Индокитая, под атакой Гавайи и некоторые острова и атоллы в Тихом океане, которые можно использовать как аэродром подскока. Колумбия, Сальвадор, Панама – все чего-то ждут, какой-то отмашки.

Восемьдесят второй. Панамский кризис – японцы предпринимают попытку высадки в одной из самых болезненных точек континента – Панаме, чтобы перерезать сообщение между Северной и Южной Америкой. Почти одновременно с этим Британский флот начинает выдвижение в Южную Атлантику, чтобы сразиться за Фолкленды – небольшой остров, имеющий стратегическое значение как возможный опорный плацдарм для вторжения на континент. Священная Римская Империя Германской нации отправляет в поход корабли имперского флота с целью не допустить взятия британцами Фолклендов, к ним присоединяется Испания и небольшой флот Бурской Конфедерации. Военная диктатура в Аргентине заявляет о своих правах на Фолкленды, Россия выдвигает твердое предупреждение как Японии, так и Великобритании. Солдаты и морские пехотинцы САСШ в Панаме сбрасывают японский десант в океан – Вторая мировая война не состоялась.

Сразу после этого североамериканцы начинают укреплять континент. Панама становится американским штатом. В Сальвадоре и Колумбии высаживаются североамериканские морские пехотинцы – на сей раз, они должны вести войну не с армией другого государства, а с бандами наркомафии и леваков-повстанцев. К началу девяностых повстанческое движение в этих странах разгромлено, лидеры наркомафии либо в тюрьме, либо в могиле. Русская армия и флот одновременно с этим начинают долговременную операцию «Барьер», направленную на идентификацию и пресечение наркоторговки в Европу из Тихоокеанского региона и порта Гонконг. Наркоторговка прикрывается японцы и британцы, для них – это оружие, направленное на разложение тыла врага. Активные действия идут на грани фолла, военного столкновения.

В этот момент на сцену выходят мексиканцы. До этого они только поставляли в Штаты не слишком прибыльную марихуану и ее производные, такие как конопляная смола. Еще мексиканцы предоставляли свою территорию для хранения и транзита крупных партий наркотиков. В конце восьмидесятых начинается борьба с наркотиками и в самой Мексике: вал арестов, в поместье начальника полиции Мехико обнаружено несколько тонн кокаина. Правительство уходит в отставку, новое никак не удается сформировать. Формируется временное правительство с участием военных – так называемое первое переходное. Первый шаг к тому кошмару, который будет дальше.

Мануэль Альварado, который наследовал отцу, – взлетает вверх как ракета, когда Томасо Лазарес приходит к власти. Его контролируют североамериканцы, но чем-то его контролирует и Альварado. В Колумбии крестьяне привыкли к тому, что местные наркокартели авансируют их будущие урожаи листов коки. После разгрома картелей заниматься этому некому, полный разброд и шатание, листья коки покупают, но только если они есть, никто не рискует давать авансы крестьянам. В это время Мануэль Альварado проводит свою первую гениальную операцию: взяв из государственного бюджета деньги на легальные цели, он вкладывает их в колумбийские листья коки. Строительство задерживается на несколько месяцев – но разве это проблема, если президент твой друг? Через несколько месяцев на руках у Альварado скапливается

почти весь урожай листьев коки этого года, а цены на кокаин в Штатах после разгрома картелей идут вверх. Миллиард долларов (еще тогдашних) превращается в семь, доходность совершенно фантастическая. За год Мануэль Альварадо становится одним из богатейших людей Мексики. Большую часть денег приходится раздать как по ту сторону границы, так и по эту, но факт остается фактом. За один год Мануэль Альварадо выходит в высшую лигу.

То, что происходило в девяностые, было связано с некоторыми чиновниками в Вашингтоне. В отличие от картелей, за которыми явно стояли чужие интересы в регионе, Альварадо казался полностью своим. Ситуация в Мексике снова выходила из-под контроля, нужно было решать вопрос о вводе войск. Однако делать этого не хотелось, потому что после бойни в ТОЗ никому из североамериканцев не хотелось повторения на земле американского континента, на своей границе. Все понимали – на кровь слетятся стервятники! В результате североамериканцы пошли на тайное соглашение с насквозь криминальным к тому времени Альварадо. По этому соглашению интересы североамериканских бизнесменов в Мексике, в частности интересы в микеладорес, огромных сборочных заводах, на границе обеспечивает не легальная власть в Мексике, а мафиозная группировка Альварадо, которая за это получает некие привилегии. Альварадо взамен обязуется не искать контактов с врагами САСШ и поддерживать высокую уличную цену на наркотик, чтобы ограничить наркотизацию страны и сделать наркотик доступным только относительно состоятельным людям. Но помимо Альварадо в стране существует до полутора десятков других наркотранзитеров, готовых сыграть на понижение цены. Вот против них и разворачивается война, когда североамериканские морские пехотинцы и агентура DEA уничтожает одного наркоглаваря за другим, естественно, по наводке Альварадо и его людей. Реализуется на практике глубоко порочная теория контролируемой преступности, при которой борьба с преступностью ради достижения идеалистической цели – полного уничтожения преступности – подменяется контролем преступности, введением ее в определенные, приемлемые для государства рамки. Для обеспечения контроля договоренностей в САСШ отправляется фактически заложником единственный сын Альварадо – Хорхе, он может быть в любой момент арестован и приговорен к пожизненному за отмывание денег наркомафии и другие преступления, если отец отступит от договоренностей.

После достижения договоренности с Альварадо САСШ выпускают из-под контроля политическую ситуацию в Мексике, и государственный переворот уже не ведет за собой ввод североамериканских морских пехотинцев для наведения порядка, потому что существует Альварадо и, значит, североамериканские интересы будут должным образом учтены при любой власти. Двое из кратковременных президентов, которые не устраивали Альварадо, убиты боевиками наркомафии. На южном направлении у САСШ развязаны руки.

Где-то в начале девяностых Мануэль Альварадо начинает продвигать идею о возможном расчленении Мексики на север и юг. Север более промышленно развит, там нефтедобыча и нефтепереработка с Мексиканского залива, там огромные фабрики у границы, наконец, там по побережью построенные североамериканцами курорты. Если объявить столицей Монтеррей или Хуарес и отделить от севера центр с его прожорливой тридцатимиллионной столицей и нищий юг, то оставшимся на севере прокормиться будет куда легче, ведь не надо будет кормить паразитирующую столицу и терпеть постоянные перевороты. Все более часто встречающееся разделение – промышленный север и нищий юг. Североамериканцы не сразу понимают, о чем идет речь, ведь о насильственном отторжении части южных штатов САСШ пока разговора не идет.

Десятого сентября в Северо-Американских Соединенных Штатах происходит трагедия – самолеты атакуют города Нью-Йорк и Вашингтон. На пожарах – совершенно внезапно, как гром среди ясного неба! – находятся паспорта, из которых следует, что угонщики были мексиканцами. Как эти паспорта уцелели в адском пламени авиационного керосина, ведь самолеты только поднялись с аэродромов и были с полными баками – история умалчивает. Предложения

о проведении международного расследования этих инцидентов САСШ с негодованием отвергают – через несколько дней принимается решение о вторжении их в Мексику и полномасштабную зачистку территории страны. Америка напоминает в это время ковбоя – когда тебе плохо, ты вышибаешь дверь в салун и открываешь пальбу. Альварадо скрывается, североамериканцы довольно легко входят в Мексику, но их появление становится подобием спички, брошенной на бензозаправке. Теперь у остервенело грызущихся в стране левых и правых появляется общий враг. Североамериканские морские пехотинцы начинают перекрывать каналы наркопоставок – и против них поднимается наркомафия. В стране начинается гражданская война, Альварадо уже открыто провозглашает о том, что южные штаты САСШ – земля краденая и ее надо вернуть. С боем.

Начало двухтысячных. Североамериканцы вторгаются в Бразилию, объяснить это нельзя никак, только умопомешательством Верховного главнокомандующего. Все страны континента, даже те, которые были лояльны к САСШ, извлекают урок: даже лояльность к САСШ теперь не гарантирует ничего. Большая часть из этих стран – диктатуры, и диктаторы начинают тайно искать себе покровителей. Покровители всегда находятся – доктрина Монро зияет дырами, европейцы уже давно точат зубы на когда-то потерянный Новый Свет. Даже Священная Римская Империя, вынужденная переваривать значительную часть Африки и консолидировать Европу, и та начинает игру хотя бы для того, чтобы перейти дорогу Великобритании, не дать ей открытого хода.

В то же время с Мануэлем Альварадо начинают происходить странности, он начинает напоминать неуловимого Панчо Вилью. Для североамериканцев он враг номер один, захватить или уничтожить его – приоритетная задача, но эта задача срывается раз за разом.

Октябрь первого года. Две специальные группы морской пехоты и спецназа SEAL высаживаются в одном из северных штатов Мексики с целью локализовать местонахождение Альварадо и попытаться уничтожить его еще до начала основной фазы операции. Они также пытаются найти кровников Альварадо, с тем чтобы привлечь их к охоте. Операция заканчивается неудачей, удар уходит в пустоту.

Март второго года. Североамериканская армия оцепляет целый квартал Мехико – по предположениям, там находится Альварадо. Операция длится три дня и стоит жизни семнадцати американским военнослужащим и двум сотням мексиканцев, используются боевые вертолеты. Альварадо не обнаружен.

Май четвертого года. Эскадрилья палубных самолетов-штурмовиков наносит внезапный массированный удар по одному высокогорному району в Колумбии. Некий агент должен был активировать маяк, когда Альварадо прибудет на тайную базу в горном районе, – проинспектировать нарколабораторию. Маяк активирован, и североамериканцы наносят удар – снова впустую. Через несколько дней останки агента в мешке подбрасывают к зданию посольства САСШ.

Август пятого года – одно из самых серьезных покушений. Имя Альварадо нигде не называется, но, по данным Отдела специальной документации МИД, это было покушение именно на Альварадо. Перу, Лима. Очень подозрительная страна, во главе которой человек с японскими корнями. В один прекрасный день в Лиме на стадионе происходит мощный направленный взрыв, ударная волна направлена на VIP-трибуну. Сорок один погибший, несколько сотен раненых. По данным ОСД, именно на этом матче должна была состояться встреча представителя президента Перу, Мануэля Альварадо и еще кого-то, предположительно посланника японского Генштаба. Тот, кто решил сорвать эту встречу, не пожалел тротила.

Январь апреля седьмого года. Массированная операция в горах Колумбии, десятки самолетов и вертолетов, целая восемьдесят вторая воздушно-десантная дивизия, военные советники, местные части. Официально цель – разгром возрождающейся картельной инфраструктуры – колумбийцы недовольны ценами, какие им дают за товар мексиканцы, и хотят делать бизнес как раньше, с картелем продавцов, а не монопольным покупателем. Неофициально все

это имеет целью подорвать экономическое могущество Альварадо, который вкладывает деньги авансом в наркотики. Одновременно с этим целый каскад специальных операций начинается в Мексике и Бразилии, цель – подавить сопротивление, лишенное финансовой поддержки. Операция частично признается успешной – разгромлено более сорока нарколабораторий, изъяты сотни тонн кокаина, в боях убиты тысячи наркомафии и экстремистов. Однако летом сопротивление вспыхивает с новой силой.

Сентябрь девятого года. Массированный удар палубной авиации по одной из гасиенд, расположенной в северных штатах Мексики, цель – Мануэль Альварадо. Снова агентурные данные, и снова провал, но на этот раз – провал с большим скандалом: погибли гражданские, Альварадо никогда не было на этой гасиенде. Слушания в Конгрессе и ограничения на действия североамериканских войск в регионах локальных конфликтов.

Ноябрь девятого года. В ответ на новые правила, введенные Конгрессом, создается специальная группа, состоящая из специалистов СРС, АНБ и министерства обороны. В группу включены несколько опытных снайперов, стреляющих на дальние дистанции, имеется авиационный компонент, несколько беспилотных самолетов, работающих конкретно на эту группу. Цель – уничтожить Альварадо любой ценой, это уже своего рода мания. Считается, что без уничтожения Альварадо САСШ не смогут вывести войска из Мексики, не рискуя потом войной за южные штаты, либо даже сецессией – в южных штатах полно ненавидящих север, да и просто мексиканцев. Достоверных данных очень мало, но есть основания полагать, что группа совершила, по меньшей мере, две безрезультатные атаки на Альварадо.

Государь отложил папку в сторону. Допил свой чай, хотел попросить еще, но передумал. Одиночество – это роскошь, не стоит ею пренебрегать.

Во всем этом есть два настораживающих момента.

Первый – человек просто не может выжить при таком количестве покушений, если ему кто-то серьезно не помогает. Причем этот кто-то должен находиться на другой стороне и занимать довольно высокое положение, чтобы знать о происходящем и своевременно сообщать о готовящихся ударах.

Откуда может быть этот человек? Комитет по разведке Конгресса? Сенат? По совершенно дикому положению законодательства они имеют право потребовать от североамериканских разведслужб предоставления всей информации, причем не только о завершившихся операциях, но и об активных, а также о планирующихся. По мнению Государя, это была глупость, граничащая с изменой. Или это какие-то разведывательные структуры? Госдепартамент? Нет, вряд ли, их если и информируют, то уже постфактум. На чем взяли этого человека? Деньги? Сын – наркоман? Сам употребляет наркотики – а может быть, даже и такое, несмотря на регулярные проверки на полиграфе, на наркоманию-то не проверяют. Как бы то ни было, у Альварадо должен быть такой человек в Вашингтоне, и, возможно, не один.

Второй момент – само противостояние Альварадо и Вашингтона. Как мог многолетний представитель Северной Америки в криминальном мире Америки Южной выйти из-под контроля и стать злейшим врагом? Почему вообще североамериканцы придают такое большое значение этому человеку и тому, что он делает? Ведь его идеи о сецессии южных штатов – да, они опасны, но опасны идеи, а не сам человек. После того как они вброшены в употребление, человек, их вбросивший, уже не имеет значения, идеи начинают жить своей собственной жизнью. Почему североамериканцы не думают о том, что после смерти Альварадо выпавшее из рук знамя не подхватит другой.

Деньги? Может быть. Но, в конце концов, в этой части света деньги – это кокаин, а кокаин – это деньги, и со смертью Альварадо кокаин не умрет, он будет продолжать жить, течь на север и калечить там людей.

Вмешивается флот. Этими двумя словами можно определить Его политику в области безопасности и реагирования на внешние угрозы. Армия предназначена для защиты родной

земли, флот для того, чтобы отстаивать интересы Российской Империи у далеких берегов. Если какая-то операция требует больше, чем просто вмешательство флота – значит, этой операции не бывать, России она не нужна. Но здесь... здесь надо действовать очень осторожно, чтобы не дать себя затащить в эту кровавую кашу и одновременно добиться того, чтобы история пошла по нарисованному тобой пути. Когда в болото падает большой камень – все жабы бросаются в разные стороны.

Как все-таки неприятно. Как неприятно рисковать даже десятком русских людей в той кровавой каше, которую заварили другие, ведь по справедливости им и хлебать. Но если ты не воюешь на чужой земле, будь готов воевать на своей, и то, что они запланировали сделать, нужно сделать. Своей помощью он оказывает большую услугу североамериканцам. Любая операция, даже самая тайная, требует выделения значительных материальных ресурсов, это все проходит по документам, а после некоторых последних событий североамериканские военные боятся ставить подпись под документами, больше даже, чем самого лютого врага. Здесь же все обеспечение предоставляет Российская Империя, и что бы ни случилось, для североамериканцев все будет шито-крыто, а Ему тут и вовсе не перед кем отчитываться. Кроме как перед собственной совестью и перед богом.

Николай взглянул на часы – он носил самые дешевые «Павел Буре», подаренные ему офицерским собранием. Через три с небольшим минуты спутник войдет в зону проведения операции. А это значит, что ему нужно быть не здесь.

Государь поднялся, взял в одну руку чашку – может быть, уже заварили свежего, в другую папку – ее надо вернуть секретчику, требования едины для всех. Пора.

Его Величество, Николай Третий Романов, прошел по бетонному, освещенному мертвенно-бледным светом светодиодных ламп коридору, машинально отвечая на приветствия идущих навстречу людей. Свернул в отнорок, который вел к главному залу боевого управления, дежурившие у массивных дверей морские пехотинцы отдали честь и открыли перед Государем дверь, весившую несколько тонн. Государь шагнул внутрь, думая о том, что все-таки нужно заставить историю двигаться по нарисованному в России пути. Нужно, наконец, раз и навсегда разобраться с Главным Противником – эти два слова русские офицеры писали с большой буквы, чтобы не забывать, что они означают.

– Господа офицеры! – скомандовал дежурный.

– Вольно.

– Вольно! – продублировал дежурный.

Государь отдал папку с жизнеописанием человека, которого они должны были убить, подскочившему секретчику, подошел ближе к экрану. Это был совершенно необычный экран – не вертикальный, а горизонтальный. Огромный стол размером десять на шесть метров, на котором специальная система создавала миражи. Объемные карты местности, причем это были не просто карты местности, как на карте, – система умела визуализировать спутниковые снимки, автоматически выбирала самые последние из базы данных, умела имитировать движение и действия любой техники, что нашей, что техники противника. Офицеры, стоящие у этого стола, могли как бы смотреть на землю примерно с пятнадцати-двадцатикилометровой высоты, визуально видя все происходящие события в трехмерном ракурсе. Поскольку система была отработана еще не до конца – на стене, там же, где он и должен был быть, висел электронный планшет, но сейчас он мало кого интересовал.

Сейчас система имитировала северо-западную часть Южной Америки вместе с солидным куском центральной части Тихого океана. Было видно все – и горы, и омывающий землю океан, и еле движущийся (эффект масштаба) авианосец с группой сопровождения, и преследующие его британский и японский корабли, выполняющие разведывательную миссию. И даже черные мошки вертолетов, летящие к побережью.

– Засекли? – спросил Государь.

– Никак нет, Ваше Величество. Мы контролируем обстановку в данном районе. Если бы британцы или японцы что-то заподозрили, последовал бы внеочередной сеанс связи или хотя бы радиовсплеск. Ничего подобного нет.

– Там на палубе вечеринка, Ваше Величество, – сказал еще один офицер, – британцы и японцы тоже расслабились.

– Вечеринка?

– Так точно.

Спрашивать, почему британцы и японцы увязались за авианосной группой, Государь не стал – это и ежу понятно. Главный противник, мы постоянно следим за ними, а они – за нами. К тому же авианосная группа смещается в сторону австралийского континента.

– С Австралии пока не было гостей?

– Нет, Ваше Величество, мы пока вне зоны досягаемости их базовой авиации.

– Внимание, господа, до спутника пять-четыре-три-два-один – есть изображение! Картинка пошла!

Изображение на огромном столе начало чуть меняться, подстраиваясь под переданную спутником реальность.

Гнездо Кондора. Перу

– Русский...

Дон Мануэль Альварадо поставил наполненный местным пивом, сделанным не из солода, а из какой-то дряни, бокал на стол.

– Ты выбрал серьезную цель, англичанин. Как бы она не оказалась тебе не по зубам...

– С ним есть проблемы?

– С el Ruso? Мы его, кстати, так и зовем – Эль Русо, русский. Конечно. Тот не мачо, от кого нет проблем...

Дон Мануэль употребил типично латиноамериканское «мачо» вместо того, чтобы обозначить врага простым словом «мужчина». Из его уст это было знаком уважения.

– Дон Мануэль, я приехал издалека и нуждаюсь в добром совете. – Капитан Риц-Дэвис, который теперь состоял при доне Мануэле в качестве кого-то вроде офицера связи, вспомнил правильную формулу, с которой следует обращаться к донам сицилийской мафии, если ты приехал делать дела на их земле.

– Совет – это хорошо, эль Десперадо. Но может так получиться, что тебе потребуется не добрый совет, а хорошее завещание.

– Дон Мануэль, у меня не бывает других клиентов.

Мафиози отсалютовал бокалом с мутноватым местным пивом, показывая, что оценил слова англичанина. Он был болен, смертельно болен – но от этого был еще опаснее.

– С русским у меня особые счеты... он особенный. Он... как бы это сказать... как молодая девушка на танцах... нужен всем. Мы пытались убить его два раза, но оба раза потерпели неудачу. И боюсь, что если здесь появился один русский, то скоро здесь будет много русских. А нам и одного раза хватило...

Несмотря на то, что у дон Мануэля хватало ума использовать троцкистско-леваческие настроения населения – в душе он оставался правым, даже крайне правым. И доведись ему стать президентом Мексики, виселицы будут стоять до самого Гондураса.

– Он связан с североамериканцами? – осторожно спросил капитан.

– Связан? Синьор! Да он агент североамериканской разведки! Он не вылезает с авеню генерала Хуареса⁸, когда находится в Мехико! В Колумбии, в Сальвадоре, в Бразилии – везде можно найти следы Эль Русо. И везде он играет в американских интересах.

– Но он же русский.

– То-то и оно, англичанин. Никто не знает, откуда у него взялось столько денег, но на него только на постоянных контрактах работает две сотни головорезов. Он торгует оружием, которое запрещено к ввозу в Штаты, – всем запрещено, а он торгует. Он получил контракт на охрану нефтяных терминалов и вышек в офшорной зоне рядом с Бразилией, обойдя всех североамериканцев. Этот парень для североамериканцев⁹ – находка! Потому что если они вымрут в дерьме – с них спросят. Их законодатели для них – худшие враги, официально они даже не имеют права убивать. А вот русский... какой с него спрос? Русский – он и есть русский...

Капитан Риц-Дэвис заметно приуныл. Получается, ублюдки послали его навредить СРС, разобраться с ее крышей. Просто удивительно – кому пришло это в голову. После того как североамериканцы встали на дыбы из-за убийства в Вашингтоне той телки, по-видимому, в Песчаном дворце решили отомстить и сдернуть с североамериканской разведки маску, чтобы

⁸ В нашем мире там находится консульский отдел, в этом – штаб-квартира объединенной группировки войск.

⁹ Кстати, это правильный перевод, *porteamericano*.

наружу полилось все дерьмо. И его послали выполнить эту миссию, ничего не сообщив и поставив под удар. Конечно, североамериканцы будут защищать «русскую миссию» до последнего, потому что это – их главный операционный канал здесь.

Ну и ублюдки. Что с той, что с другой стороны...

– Ну, что, Десперадо? Все еще не раздумал разбираться с русским?

– Это мое задание, – ответил капитан.

– Тогда тебе придется немного обождать. Сюда приедет полковник Камасо, это вообще-то его... имение, хе-хе. Я задам ему пару вопросов от твоего имени...

Капитан приложил руку к груди:

– Благодарю.

– А ты иди и задай пару вопросов своим боссам от моего имени. Понял?

Ударный вертолет «Сикорский-59». «Драгун-один»

– Береговая черта!

Серо-стальная гладь воды в иллюминаторах сменилась землей побережья, постепенно переходившей в горные склоны Анд, вертолеты пошли резко вверх, врезаясь винтами в сырой, холодный воздух. Анды здесь подходили почти вплотную к воде, на побережье были несколько крупных городов, в том числе Лима – гигантский абсцесс, вбравший в себя разорившихся крепостян, спустившихся с гор, разорившихся мелких лавочников и прочую, потенциально очень опасную публику.

Вертолеты обошли Лиму южнее, они были слишком быстрыми и шли в режиме следования местности, так что локаторы вряд ли смогли бы их засечь. В десантных отсеках как-то сразу стало холодно.

– Десять минут!

– Десять минут до цели! Проверить снаряжение!

Североамериканцы в русской военной форме и с русским оружием начали проверять снаряжение, деталь за деталью, сначала свое, потом соседа слева, потом соседа справа. Хорошо, что не нужно прыгать с парашютом, парашюта нет, только обвязка, чтобы спускаться по тропам...

– Есть картинка. Пошла картинка с беспилотника!

В двадцатом веке ни один самолет или вертолет не летал «абы куда» без поддержки со спутника или беспилотного разведчика, дающего загоризонтное видение. Современный летательный аппарат слишком дорог, чтобы угробить его по причине случайно попавшейся на маршруте зенитной установки.

– Та-а-к. Увеличиваем.

– Есть! Зафиксировать!

Гасиенда представляла собой строение на горном склоне, но горные склоны здесь были не голые, как с западной стороны, а покрытые лесом. Как и полагается в Латинской Америке – гасиенда была белой, она была окружена высоким забором, и в ее составе была даже вертолетная площадка, где сейчас замер «Белл» армейского образца. Аппарат давал изображение в термооптическом режиме, было видно, что на территории гасиенды полно вооруженных людей.

– Не меньше двадцати.

Пилоты мрачно переглянулись – это значит, что еще как минимум два раза по столько находятся внутри самой виллы, отдыхающая и бодрствующая смена. А скорее всего, боевиков еще больше, поскольку это внешняя охрана периметра, а есть еще и охрана самого Альварардо.

– Внимание! До двадцати бойцов противника на открытой местности. Наблюдаю автоматическое оружие, реактивные гранатометы. Две зенитные установки, похоже на «Эрликоны», – одна в северной части комплекса, другая на крыше основного здания! Наблюдаю расчеты, активности нет! Определяю цели как приоритетные.

– Программируй птицу. Ударим по ним первыми.

Никто даже не думал подавлять скорострельные «Эрликоны» ракетами с вертолетов – это была бы игра со смертью. По установкам нанесет удар беспилотник, и только если они будут подавлены – вертолеты появятся над целью.

– Так... еще что?

– Вон то здание. Слева. Возможно, там казарма.

– Есть...

– Его тоже.

– «Драгун», здесь «Вышка-контроль», выйдите на связь немедленно!

Оба пилота подумали об одном и том же – отмена операции. Действовал режим радиомолчания, авианосец мог запросить экстренный сеанс связи лишь в самой критической ситуации...

– «Вышка-контроль», здесь «Драгун», прошли береговую черту! Семь минут до объекта.

– «Драгун», здесь «Вышка-контроль», крупные силы противника на подходе к цели, крупные силы противника на подходе к цели. Переключайтесь на получение информации со спутника!

– Есть, «Вышка-контроль», минуту...

Второй пилот, исполнявший обязанности штурмана и специалиста по работе с информацией, нашел канал передачи данных со спутника, идентифицировал себя, ввел код доступа и вывел данные на большой экран по центру приборной панели.

– Пресвятой Господь...

По горной дороге, ведущей к гасиенде, двигался бронетранспортер со скорострельной пушкой, за ним – бронированный внедорожник, за ним – два бортовых грузовика. В кузове каждого стоял крупнокалиберный пулемет и виднелись солдаты. Еще один пулемет был на кронштейне у пассажира в кабине грузовика.

Перу. Горная дорога

Полковник Эухенио Камасо, статный здоровяк лет сорока, был жесток, предусмотрителен и осторожен, и только потому он прожил до сорока лет и был полковником. В этих местах звания присваивались не по заслугам, а тем, кому повезло выжить. Именно поэтому он ехал в горы в бронированной машине в сопровождении бронетранспортера и двух отделений элитного антиповстанческого батальона Los Tigres.

Полковник Эухенио Камасо был одним из тех офицеров, которые в восьмидесятые годы замирили континент и которые в новом тысячелетии угрожали сбросить его в пучину войны всех против всех. Родился в семье офицера, был направлен по квоте в военное училище. Окончил его в числе пяти лучших на курсе и был направлен в «Школу Америк» – центр подготовки офицеров армий латиноамериканских лимитрофов, расположенных в САСШ. Там его научили кое-чему другому... Была, конечно, и общевоинская подготовка, но основные курсы были другие. Противодействие инфильтрации, перекрытие каналов поставки оружия, операции по прочесыванию, контрреволюционные действия, бой в городах, борьба с коммунистическими ячейками, техника допросов с пытками и без таковых, избавление от тел так, чтобы не осталось следов. В отличие от наших методов – мы обвешивали тело парой килограммов взрывчатки и подрывали, – здесь предпочитали концентрированную серную кислоту, в которую иногда бросали и живых. Вот отсюда, из стен сего почтенного заведения и брались латиноамериканские полковники, которые потом вешали президентов, жгли подозреваемым лица паяльной лампой, отправляли их полетать с вертолета в антарктических водах. Нет, мы в России тоже не безгрешны, война с террором в любой стране превращается в озверелое уничтожение себе подобных. Разница была в том, что мы воспринимали это как беду, а они – как норму.

За восьмидесятые и девяностые годы прошедший подготовку в САСШ полковник прошел путь от первого лейтенанта до полковника, командира всех противоповстанческих операций в столичном регионе, успел озвереть, обогреть свои руки кровью, и не раз, возненавидеть собственный народ и потерять троих из пятерых друзей. Одного взорвали, другого убила телка, которую он подцепил, кажется, революционно настроенная студентка, третьего расстреляли по приговору трибунала. Он стал хитрым, предусмотрительным, он отправил семью из страны, жил один на территории военной базы, пережил несколько покушений и ответил на них арестами и пытками. В досье североамериканских спецслужб он значился вполне надежным и лояльным.

После событий 9/10 и реорганизации североамериканских спецслужб полковник принял предложение возглавить SSG, Servicio de Seguridad General, новую единую спецслужбу, создаваемую взамен трех старых – департамента в составе полиции, занимающегося терроризмом, управления по борьбе с терроризмом Dincote и управления разведки – DINTE. Назначение было неожиданным – ни один из глав распускаемых подразделений не был назначен на новый пост. Один отказался сам, оставшиеся двое были изобличены в коррупции, причем один был схвачен сразу, а второй успел бежать из страны. Полковник Камасо, который, придя к руководству всей разведдеятельностью страны, так и остался полковником, был известен как человек верующий, ревностный прихожанин, отмаливающий на субботней мессе убитых и запытанных по его приказу людей и не замешанный в коррупции человек. Он просто был мелкой сошкой по сравнению с шефами, которым реально *несли*. Его и назначили для того, чтобы придать погрязшим в скандалах силовым структурам хоть какой-то налет благопристойности.

Вот только за четыре года, пока он правил спецслужбами Перу, полковник Камасо полностью переродился и стал из адепта американского образа жизни, который он увидел, будучи на обучении в Штатах, тайным врагом Америки.

Почему? Тут сложно сказать. Не в деньгах тут дело, верней, не только в деньгах. Видимо, полковник Камасо решил, что САСШ сейчас играет скорее ограничивающую и дестабилизирующую роль на континенте. Если в шестидесятые-семидесятые годы прошлого века политика САСШ была простой как башмак – пусть он сукин сын, но он наш сукин сын, – то сейчас все было по-иному. Страна погрязла в дурацкой политкорректности и, хуже того, навязывала эту политкорректность другим. Если еще в семидесятые негра в южных штатах вполне могли линчевать и все свидетели этого на допросах заявили бы, что ничего не видели, то сейчас с неграми, мексиканцами и прочими возились как с писаными торбами. Если раньше противоповстанческие батальоны расстреливали целые деревни, симпатизирующие красным, причем в этом участвовали североамериканские военные советники, то сейчас стоило только пустить кровь одному-единственному коммунисту, убить журналиста-левака, – как поднимался дикий вой, в страну прилетал невесть кто, требовал каких-то независимых расследований, давил на el jefe, чтобы он наказал виновных, читай, сдал своих. Когда в девяностых начались процессы по закону RICO, начали шерстить вклады в североамериканских банках и под замес попали и вклады местных политиков и военных, причем кому-то их даже не вернули, так и остались конфискованными – людей лишили кровью заработанных денег! Чужой кровью, но какая, к чертям, разница?!

Вот латиноамериканские офицеры, привыкшие к крови и пахнущим кокаином деньгам, начали искать себе новых хозяев. Не таких щепетильных и готовых на многое закрывать глаза. Вариантов было два. Первый – Испания или Португалия, за которыми стоит европейский колосс – Священная Римская Империя Германской Нации. Но это был худший вариант по нескольким причинам. Первый – немцы слишком тяготели к порядку и по опыту Африки проявляли мало понимания и щепетильности в решении местных проблем. Schiessen¹⁰ – и все дела. Второй – раньше континент был испанским, и память о жестокости испанских завоевателей сидела у всех местных в крови, это была генетическая память народа, которую не вытравить ничем. И третье – один человек попытался. В Бразилии. Результат всего этого был налицо...

Ну и четвертое – был другой, намного лучший вариант. Страна, которая имела наибольший опыт колонизаторской деятельности среди всех мировых Империй. Страна, которая подточила господство Испании на континенте, вдоволь пограбила идущие к европейским берегам испанские и португальские галеоны с золотом, которая поддерживала освободительное движение на континенте в девятнадцатом веке. Страна, которая уже доказала всем понимающим людям свой цинизм и подлость, готовность мириться с самыми страшными преступлениями, если это идет на пользу колонизаторской политике. Страна, против которой не сможет открыто выступить их нынешний хозяин – Северо-Американские Соединенные Штаты. Наконец, страна, которая проявила самую горячую заинтересованность к установлению контактов через океан и в поддержке офицерских движений в самых разных странах.

В числе прочего – контакты с Британией дали Камасо и другим людям четкое понимание того, что они не одиноки в своих воззрениях, что существует много их единомышленников в других странах континента, и все они думают про захват власти либо даже готовятся к нему. Именно Британия и ее агенты вытащили на свет из пропахшего нафталином сундука проекты Федеральной республики Центральной Америки, Великой Колумбии и даже СШЮА, Соединенных Штатов Южной Америки, о которых мечтал El libertador¹¹. Для любого латиноамери-

¹⁰ Расстрелять (нем.).

¹¹ Симон Боливар. **Освободитель**, в Латинской Америке его именно так все и называют, освободитель. Военачальник, политический деятель, сыграл решающую роль в разгроме испанских колониальных частей на континенте. Великая Колумбия реально существовала (1819–1831 гг., первый президент Симон Боливар), включала в себя Колумбию, Венесуэлу, Эквадор,

канца продолжить дело Освободителя – дело всей жизни, сравнение с Освободителем – великая честь. В конце концов, возможно, полковнику Камасо просто надоело жить в маленькой, нищей, сотрясаемой переворотами и снедаемой взаимной ненавистью стране. Захотелось чего-то большего. Великого. И кто его за это осудит?

Полковник Камасо в сопровождении военного отряда телохранителей и бронетранспортера выехал из столицы сразу, как только возникла возможность. В поместье, конфискованном у одного из его незадачливых предшественников, прибыл дон Мануэль Альварадо, и вместе с ним был британский агент, которого он нашел в Мексике. Британский агент, прямой контакт с британской разведкой – полковник не мог упустить такой возможности, все-таки он был главой спецслужб страны. Поэтому он собрался и немедленно выехал лично с целью поговорить и с британским агентом и с синьором Альварадо, похоже, что еще одним британским агентом, который в последнее время все настойчивее продвигал боливарианские идеи, все настойчивее примерял мантию нового Освободителя. А то, что он торговал и торгует наркотиками... что же, синьор, а кто из нас без греха? Пусть тот и бросит первым камень...

* * *

Ударный вертолет «Сикорский-59».

«Драгун-один»

– У нас две установки ПВО, бронемашина с автоматической пушкой. До черта солдат... теперь уже не меньше ста двадцати – ста тридцати активных штыков. И только четыре ракеты на беспилотнике. И еще вооруженный вертолет.

На спутниковом изображении, увеличенном до предела, было видно, что вертолет не простой – с пилонами – крыльями. На них понятно что – либо «МЗ», крупнокалиберный пулемет Браунинга, либо «М134 Миниган», либо «GAU-19», трехствольный скорострельный пулемет калибра 12,7. Здесь ракетное вооружение использовать избегали, для контрповстанческих операций использовали вертолеты «ганшипы», на которых было до четырех пулеметов в разных комбинациях. Два на подкрыльевых пилонах, и два – в десантном отсеке с солидным боезапасом. Если эта штука взлетит...

– Давим ПВО и работаем по БТР, как только приблизится. Больше ни на что не хватит.

– Или валим отсюда к долбаной матери, пока целы.

– И у нас есть пушки и пулеметы.

– «Вышка-контроль», здесь «Драгун-первый», вопрос – добро на проведение операции все еще в силе?

– «Драгун первый», у нас нет связи с Вашингтоном. Продолжение операции на ваше усмотрение.

– «Вышка-контроль», вас понял.

Первый пилот, отвечающий за доставку и эвакуацию североамериканской ударной группы, такое решение принять не мог.

– Вызови старшего десантной группы. «Драгун-один», всем «Драгунам» – стоп, всем стоп. Оборонительный порядок.

Панаму. Федеральная республика Центральной Америки реально существовала (1823–1838 г.), включала в себя Коста-Рику, Сальвадор, Гватемалу, Гондурас, Никарагуа. СШЮА, объединение Мексики, Великой Колумбии, ФРСА, возможно, и Бразилии с Аргентиной в единое государство – проект Симона Боливара, который никто не поддержал и который, в случае его осуществления, создавал бы одно из самых сильных государств на земле и реальный противовес САСШ. В том, что он не был осуществлен, сыграла ведущую роль Британия. Им нужно было изгнать из Нового Света Испанию, но им не нужно было, чтобы родился еще один геополитический конкурент. Им нужно было то, что есть сейчас – куча нищих, маленьких государств, внешнюю торговлю которых контролирует Британия, доминируя на море. «Разделяй и властвуй» – проклятый принцип британской политики, несущий горе и кровь. Дело Симона Боливара было проклято и забыто, но, может быть, оно еще возродится.

– Генацвале, это не шутки. – Пилот вертолета, которому североамериканец чуть ли не в сыновья годился, смотрел в глаза североамериканцу, уже вымазавшемуся камуфляжным кремом. Говорили они по-русски.

– Я знаю, сэр. Но и мы не шутим.

– Там до ста двадцати боевиков, включая, видимо, части регулярной армии. Возможно, бронемашина и два вооруженных грузовика.

– Сэр, мы пришли сделать дело, и мы его сделаем.

– Дело твое. Иди и готовься – четыре минуты до цели. «Вышка-контроль», это «Драгун-один», мы продолжаем операцию!

Гнездо Кондора. Перу

Капитан Риц-Дэвис был внизу, на первом этаже особняка, когда все началось. Началось, как и бывает в таких случаях, неожиданно, внезапно.

Просто вдруг что-то ударило с неба, и на земле, там, где только что была скрытая темной скорострельная зенитка, вырос столб огня да искры во все стороны полетели.

В то же самое время что-то взорвалось на самом верху, на доме, да так, что дрогнули тяжелые бронированные стекла. Что-то разбилось со звоном.

Кто-то что-то закричал, пронзительно, в следующую минуту дом наполнился криками и топотом. Просыпающиеся телохранители хватали оружие и бежали занимать позиции, как считали нужным, создавая хаос и панику. Китайская пожарная тревога – вот как это называется.

– Ataque! Ataque!¹²

– Madre dios!¹³

– Dispara! Dispara! Tak-tak!¹⁴

– Ellos están en el techo! En el techo!¹⁵

Капитан Риц-Дэвис моментально оглядел комнату, схватил то, что ему показалось больше всего подходящим в качестве оружия, – это была лампа на туалетном столике, тяжелая, с абажуром и подставкой из меди. Вырвал из розетки шнур, он тоже пригодится. Обувь была на ногах... все профессионалы, находящиеся на враждебной территории, не разуваются, готовясь ко сну, потому что, может быть, придется вскакивать и бежать, и лучше не босоногому. Прижался к двери, прислушался – в доме стрельбы вроде как не было, только топот ног и крики.

Толкнув незапертую дверь, капитан вынырнул в коридор.

Оружие он добыл довольно просто: уловив момент, напал на пробежавшего охранника и слегка огрел его тяжелой подставкой лампы по башке. Затащил в темный коридор, выдернул из лампы шнур, в два приема связал руки.

От охранника ему достался очень приличный чилийско-швейцарский SIG последней модели с подствольным гранатометом, разгрузка с несколькими отделениями для снаряженных магазинов, ножом и кобурой, в которой было что-то наподобие «Кольта-1911», может, аргентинский, может бразильский, может, и американский. Когда он надевал разгрузку, бандит с темной кожей и характерным разрезом индейских глаз посмотрел на него мутным взглядом.

– Silencio! – сказал капитан и двинулся вперед.

За Альварадо пятьдесят миллионов долларов САСШ любому, кто привезет его живым или мертвым. Любому! Собственная разведслужба предала его и предала капитально, он не собирался сохранять ей верность. Пятьдесят миллионов – более чем достаточно для отхода от дел, вот только удастся ли их взять. Похоже, те, кто устроил все это, не очень обрадуются появлению еще одного претендента на долю. И капитан мог поспорить – у них стволов больше, чем у него.

Тогда, может, спасти Альварадо? Черт его знает, как повернется...

Капитан остановился около тяжелой портьеры, махнул ножом. Нож оказался острым – с первого раза ему удалось отхватить кусок достаточный, для сооружения шемаха – повязки на нижнюю часть лица, наподобие пиратской...

¹² Атакуйте!

¹³ Матерь Божья! (исп.).

¹⁴ Стреляйте! (исп., язык индейцев кечуа).

¹⁵ Они на крыше! На крыше!

– Hey tu!¹⁶

Капитан обернулся и махнул ножом. Его противник осел, хрипя и царапая руками стену. Убивать надо не раздумывая, только тогда останешься жив.

¹⁶ Эй, ты! (исп.)

Ударный вертолет «Сикорский-59». «Драгун-один»

В темноте – там, где она сгущается, выдавая наличие построенных человеком сооружений, – полыхнуло пламя. Раз и еще один раз. В черное небо брызнули огненные искры – метеоры...

– Есть.

– Контроль!

Подставлять вертолет под огонь «Эрликонов», не будучи уверенным в том, что зенитные установки уничтожены, – верх глупости. Вначале нужно получить подтверждение, что опасные для вертолетов цели уничтожены, от спутника или от беспилотника и только потом двигаться вперед.

Первая цель была поражена, это сразу было видно: взрывались ящики со снарядами к зенитной установке. Со второй было сложнее, она стояла в самодельном укрытии из мешков с песком, но тоже была поражена. Эта установка скорее прикрывала гасиенду от наземного прорыва по единственной ведущей к ней дороге, чем от воздушного противника.

– Цели один и два поражены. Небо – чисто.

– Смещаемся на позицию два. Бортстрелкам – огонь по любым враждебным целям! Десанту – минута до сброса!

Вашингтон, штат Колумбия. Белый Дом, ситуационная комната

- Что происходит?! Кто-нибудь может сказать, что, ко всем чертям, происходит?
- Вероятно, какие-то проблемы, сэр. У нас нет прямой связи с группой.
- Черт...

Видно было плохо. Точнее – почти никак не было видно. В десантных отсеках было включено освещение, но его было явно недостаточно для таких маленьких камер. Все они передавали одно и то же – десантники сидели по бортам вертолета и смотрели друг на друга.

- Тодд, если мы и на этот раз его упустим – нас просто распнут.
- Никто ничего не узнает, сэр.

– Сэр! – Генерал Фернесс смотрел на свой «Блэкберри», на который пришло шифрованное сообщение. – У них проблемы. Кажется, крупная группа сил противника приближается к точке Альфа. Русские обсуждают вопрос об отмене операции.

- Противника? Какого, к чертям, противника?
- Вероятно, местные полицейские или военные.
- Черт бы их побрал...

Все смотрели на экраны – как на захватывающее кино. Вот только кровь в этом кино была не из томатного сока.

Изображение чуть дернулось.

- Хэл, смотрите! Что это?!

Президент был азартным футбольным болельщиком и в подобных ситуациях просто не мог усидеть на одном месте.

– Сэр, кажется... они продолжают операцию, – сказал бывший командующий морской пехоты, который и сам первым лейтенантом – высаживался так же вот в Панаме.

– Да, они продолжают, – подтвердил и министр безопасности Родины, хотя мало что в этом понимал.

Штурмовая группа «Золотые»

Вертолет чуть пошатывает в потоках воздуха, в унисон по обоим бортам грохочут крупнокалиберные пулеметы, подавляя огневые точки. Снизу настоящий шквал огня, гасиенда сделана крепко, удар ракетой по крыше и стоящей на ней зенитной установке уничтожил зенитную установку, но не повредил крышу!

– Быстрее! Быстрее!

Земля летит навстречу, раннее утро, и все как в тумане. Перед гасиендой разбит регулярный английский сад, каждая клумба – как укрытие. Что тебе, что твоему противнику...

Капрал Бен Годак спустился по тросу последним, сразу после него вертолет начал смещаться в сторону, поливая пулеметным огнем здание. Четыре крупнокалиберных пулемета русских, применяемых с воздушной платформы, изрядно меняли ситуацию в пользу американцев, потому что их огня не выдерживали ни стены, ни укрытия.

– Сюда! Сюда! Сбор!

Их группа – «Золотые» – собралась за фонтаном, его чаша была такова, что можно было даже стоять пригнувшись. Высадили их чисто – только трое раненых, при таком сопротивлении – это ничто...

– Как ты?

Уроженец Мэриленда, капрал Том Смит, постарался улыбнуться:

– Еще поживу, сэр.

– Не лезь вперед! Значит, так: для нас самое главное – прорваться к зданию гасиенды и ворваться внутрь без особых потерь. Ясно?! Не подставляйтесь!

– Так точно, сэр!

Граната из ракетного гранатомета врезалась в бетонную чашу, во все стороны полетели осколки бетона. Несмотря на усилия русских, некоторые огневые точки в окнах здания так и не были подавлены.

– На счет три – дым и вперед, поняли? Не останавливаться, пока мы не достигнем здания.

– Так точно, сэр.

– Один! Два! Три!

Перу. Горная дорога

Сама гасиенда была еще не видна, но были видны ее ворота, массивное сооружение, дизайн которого был откровенно украден с европейских триумфальных арок. Тот, для кого строилось эта гасиенда, был человеком тщеславным.

– Господин полковник, смотрите!

Полковник выглянул – на территории гасиенды поднялся столб разрыва, во все стороны летели искры.

– Из машин! Из машин, живо!

Солдаты антитеррористического батальона повиновались командам мгновенно – они не раз участвовали в совместных операциях с североамериканцами в джунглях и прекрасно знали, как выглядит разрыв пущенной с самолета управляемой ракеты.

– Разбиться на группы! Наступать на гасиенду!

– Вертолеты!

Еще не рассвело окончательно, вертолеты были плохо видны. Черные, небольшие, они вынырнули из-за горной вершины, зависли над гасиендой. Вертолетов было четыре, с них велся огонь – вспышки выстрелов бортовых пулеметов были отчетливо видны. Как электросварка – трепещущий, яркий огонек.

– Бронетранспортеру – цель воздушная, статичная!

Бронетранспортер, который прикрывал их, уже и без команды разворачивал башню, его длинная, тонкая, с ребристым стволом пушка задиралась все выше и выше. Но тут, почти без звука, что-то мелькнуло в воздухе, как шаровая молния, и ударила в бронетранспортер. Он вспыхнул разом, весь как бы разрываемый пламенем изнутри, башня оторвалась от корпуса и отлетела в сторону. Корпус бронетранспортера сверху почти не бронирован, разве что от автомата – а эта ракета была рассчитана на поражение танков.

Можно было уйти, но полковник не собирался этого делать. Раньше бы ушел, но сейчас – нет...

– Рассредоточиться! Перебежками – вперед!

Только бы эти идиоты не додумались выслать группу к воротам. Там крупнокалиберный пулемет и автоматический гранатомет, если они доберутся до них первыми... склон насквозь простреливается, он же сам и организовывал здесь оборону. Лягут все.

Капитан Риц-Дэвис

Капитан Риц-Дэвис испугался. Впервые за долгое время... он уже не помнил, когда в последний раз испытывал это чувство – чувство страха. Но сейчас оно было.

Нечего было и думать, чтобы прорываться вниз, – он слышал вертолеты и понял, что с вертолетов высаживается десант. Скорее всего, североамериканцы, проклятые кузены, они выследили Альварадо и теперь послали десантную группу, чтобы прикончить его. Или не североамериканцы... да какая тут разница?! Кто бы ни были эти ублюдки, они открыли огонь по зданию сразу из двух крупнокалиберных пулеметов как минимум. Нечего и думать было, чтобы прорываться по земле под огнем десантников и бортовых пулеметов.

Значит, надо было отступать вверх и искать выход уже оттуда. В крайнем случае держаться до последнего. Это чужая страна, десантники не могут штурмовать здание долго, их лимит времени ограничен запасом топлива в вертолетах. Рано или поздно они будут вынуждены отступить вне зависимости от выполнения боевой задачи. И если он к этому времени будет жив, значит, он спасен.

Выбравшись на второй этаж, он увидел длинный, прямой, простреливаемый на всем его протяжении коридор. В нем черт-те что творилось... дым, пыль, окна давно разбиты, пули крупнокалиберных пулеметов выламывают ценные куски стены, впереди что-то горит. Хорошо, что не бьют из гранатометов... видимо, им нужен труп Альварадо, который можно опознать. Или даже живой Альварадо, который может много чего интересного порассказать.

На карачках, не показываясь в оконных проемах, он пополз вперед. Внизу громыхнуло, глухо и сильно – скорее всего, штурмовая группа взрывает двери либо проделывает проходы в стенах, чтобы ворваться внутрь. Надо забиться в какую-нибудь щель, но...

Руками он наткнулся на труп, рядом с ним лежало странное, заваленное вываленной из оконного проема рамой оружие. Он освободил его, аж присвистнул от удивления. «Барретт М82А2», противовертолетная версия винтовки, которая изготавливалась специально для министерства обороны Великобритании¹⁷, чрезвычайно эффективная вещь! Он подтянул ее к себе... как и любой САСовец, он умел обращаться с подобным оружием, идеальным для небольшой группы диверсантов – саботажников в тылу врага. Рискнуть?

Он встал между двумя оконными проемами, прикрытый стеной, дождался, пока очередная пулеметная очередь пройдет по стене рядом с ним. И – на мгновение, показавшись в окне, выстрелил в зависший в пятидесяти метрах от здания вертолет...

Показалось или?.. Кажется, вспышка.

Капитан упал на пол, уходя от ответного огня, пополз по заваленному гильзами, обломками стены и человеческими телами полу.

¹⁷ Это правда. Винтовка готовилась на тендер министерства обороны Великобритании и после его отмены не пошла в серийное производство. А зря!

Штурмовая группа «Золотые»

В боеспособном состоянии дверей достигли всего шесть человек. По правилам проведения операции помощь разрешалось оказывать только по прохождении сигнала «пожар потушен». Их было слишком мало, чтобы отвлекаться на что-то, кроме боя.

– Черт! Кипер, давай!

Кипер, штатный сапер их отряда, сноровисто начал крепить рамки с взрывчатым веществом на оконный проем. Проходить через двери было слишком опасно. Было бы хорошо, если бы это был обычный для юга дом, с почти картонными стенами, но это настоящая крепость, стены из армированного бетона. Тот, для кого строился этот особняк, имел много врагов и много денег, потому строился с размахом. Здесь даже система отопления была, нужная в холодных горах.

– Бойся!

Спецназовцы пригнулись, наверху грохнуло, полетели осколки. Направленный взрыв пластиковой взрывчатки выбил раму с бронестеклом.

– Пошли! Пошли!

Годак, как самый здоровый из оставшихся, встал спиной к стене, руки в замок на уровне пояса. Один за другим пять оставшихся боеспособными членов их группы перебрались в дом, последний подал ему руку.

Комната. Большая, все в пыли, в дыму. Они на что-то наткнулись, оказалось – пианино...

Чертов ублюдок, наркотиками торгует и музицирует.

– Дверь!

Они выстраиваются в штурмовом порядке. У Годака – пулемет «ПКМ» с питанием из заплечного рюкзака, поэтому он идет первым. Его задача – блокировать коридор огнем, подавлять противника, пока двое других проверяют комнаты. Задача не из легких – каждый труп может оказаться трупом Злодея – так в переговорах значится Альварado, – и его надо будет забрать с собой.

В коридоре он дал длинную очередь, по стенам, по какой-то дряни, что стояла в коридоре. Ответного огня не последовало.

– Чисто!

– Первая группа – к центральной лестнице! Вторая – проверяйте все комнаты! Все комнаты до единой!

Перед тем как идти на это смертельно опасное задание, для них выстроили макет здания на базе Форт Хуачука. Чертежи взяли у международной строительной фирмы из Австро-Венгрии, которая строила это здание.

Лестница – широкая, парадная лестница, спускающаяся со второго этажа в большой зал – холл. Зал настолько большой, что в нем можно устраивать вечеринки и балы, а лестница для того, чтобы хозяин особняка спускался к гостям со всем возможным величием. Сейчас – с обеих сторон огневые точки, со второго этажа автоматный огонь, почти не прекращаясь. Бьют короткими очередями, но почти непрерывно простреливая все пространство зала.

Огонь со второго этажа заставляет спецназовцев затормозить продвижение.

– Я прикрою! – Дышать нечем от пыли и дыма, не видно даже стрелков, видны только вспышки выстрелов. – Вы пробивайте из подствольников!

– «Белые» – всем группам, мы вошли, правое крыло, продвигаемся по коридору!

– «Золотые», мы блокированы огнем в центральной части! Зачищаем левое крыло!

За спинами вспыхивает перестрелка, сразу же обрывается.

– «Золотые», минус один, зачищаем левое крыло!

Видимо, кто-то пытался укрыться в одной из комнат.

– Ну!

Выйдя из-за укрытия – угла коридора, – он открыл ураганный огонь по мерцающим вверху вспышкам. Выпустил семьдесят или восемьдесят пуль, одновременно с этим открыли огонь из подствольников Бенсон и Хименес. Вспышки разрывов в дыму – и вспышки погасли, огонь прекратился.

Они уже начинали понимать, что произошло. Потеряв часть людей, пытаясь задержать прорыв штурмовой группы к самому зданию, стреляя из окон, оставшиеся в живых стали умнее, теперь они будут удерживать ключевые точки самого здания, принимая бой в здании, где у штурмующих не будет самого главного преимущества – поддержки огнем бортовых пулеметов. Здесь они попытаются реализовать свое самое главное преимущество – им можно тянуть время, оно у них есть, а вот у американцев его нет, и они будут вынуждены идти напролом.

«Драгун-один»

Чаше всего бой – это цепочка совпадений, играющих на руку той или другой стороне. Большинство планов операций, которые предусматривают нечто большее, чем несколько выстрелов по цели со статичной позиции и отход, не выдерживают столкновения с реальностью уже на первых минутах боя.

Вертолет «Драгун-три» был уже поврежден – в него попала и разорвалась граната подствольного гранатомета, критических повреждений это не причинило – но первый пилот был ранен, и управление был вынужден принять на себя второй пилот. А вот пуля калибра 12,7, пущенная капитаном Ритцем-Дэвисом, по невероятному стечению обстоятельств ударила в уже ослабленное остекление кабины, пробила его и убила на месте второго пилота. Неуправляемый вертолет, управление которым попытался перехватить уже раненный первый пилот, повело вправо и вниз, запаса высоты не было – и он рухнул в паре десятков метров от дома, перевернувшись на бок, – хорошо, что только с высоты в десять метров.

– Господи! «Драгун-три» падает! «Драгун-три» выведен из строя! «Драгун-три» сбит! «Драгун-три» на земле, «Драгун-три» – на земле! – закричал пилот вертолета «Драгун-один», отводя машину выше и левее, чтобы не стать жертвой ведущегося из дома огня самому.

– «Драгун-один», это «Вышка-контроль», что там у вас происходит?!

– «Вышка», «Драгун-три» сбит, «Драгун-три» небоеспособен! Он сбит! Бьем в металл, повторяю – бьем в металл!

– «Драгун-один», это «Вышка», вопрос – видите пламя, повторяю – видите пламя?

Для проведения операции использовались несколько кодовых словосочетаний, «видеть пламя» означало – десант на земле и вступил в контакт с боевиками охраны Альварадо. Пожар потушен – Альварадо взят, живым или мертвым.

– «Вышка», я «Драгун-три», пламя вижу, повторяю – пламя вижу!

Что-то скользнуло перед самым носом вертолета, оставляя дымный след.

– Ракета!

– «Вышка», духи у ворот, духи у ворот, мы видим их! Ведут себя враждебно, мы под обстрелом!

– «Вышка», я «Драгун-два», у меня убит один бортстрелок и ранен другой, гидравлика на грани отказа!

– «Вышка» – всем «Драгунам»! Тушите пламя, повторяю – тушите пламя! Пять минут, и отход! Сваливайте оттуда к чертям собачьим!

Вашингтон, штат Колумбия. Белый Дом, ситуационная комната

– Пресвятой господь!

Кто-то сдавленно охнул – шальная пуля попала прямо в объектив видеокамеры, установленной на снаряжении одного из бойцов. Это было реально страшно – вспышка и мгновенная темнота. Потому что из сидевших в этой комнате людей многим приходилось посылать людей на смерть. Но сейчас они впервые поняли, что чувствуют эти люди и что представляет собой смерть. Вспышка – и больше ничего. Совсем ничего.

Заместитель директора СРС по операциям, прикрывая ладонью стальной тьюбик, вытряхнул на язык таблетку нитроглицерина...

– Кажется... они отступают?!

Уэзерс пригляделся.

– Похоже на то.

– Но почему? Они ведь не выполнили задание?! – недоуменно спросил президент. Нервы у него были более крепкими, чем у того же ЗДР. За время работы адвокатом понавидался...

– Сэр, лимит времени ограничен потерями и остатками топлива в баках вертолетов. Контрольное время прошло – ты отступаешь к вертолетам вне зависимости от того, выполнено задание или нет, – ответил генерал Фернесс. – Мы же не хотим, чтобы наши люди попали в руки врага, а нас застали со спущенными штанами на самом интересном месте. У русских есть план Б, так что далеко не все потеряно.

– Мне это не нравится, – объявил президент.

– Мне тоже, сэр, – неожиданно поддержал генерала находившийся тут же вице-президент, – но сейчас банкуют русские.

Штурмовая группа «Золотые»

Пуля ударила капрала Годака в грудь, следом прилетела еще одна, но он устоял. Бронежилет задержал пули, но дышать теперь было больно, каждый вдох теперь означал слепящую глаза вспышку боли. Капрал открыл огонь по задымленному коридору, ничего видно не было, трассирующие летели в обе стороны обезумевшими светляками. И находили свои цели...

Вдруг капрал понял, что он не стоит на ногах. Что он не стоит на ногах, а лежит на спине и его кто-то тащит, тащит за петлю на снаряжении. Разряженный пулемет болтается у него на груди, рот полон чем-то соленым, и веки так и норовят закрыться. Возможно, бронежилет все-таки не остановил пули...

И веки закрылись.

Штурмовая группа «Черные»

План операции пришлось корректировать на ходу. «Черные», группа поддержки, в которой все бойцы были вооружены либо ротными, либо взводными пулеметами и в задачу которой вменялось подавить огонь из окон гасиенды с земли, не входя в здание без крайней нужды, вынуждена была развернуться и прикрывать тыл от наступающих бойцов полковника Камасо.

Восемь пулеметов – это, конечно, хорошо, если бы не одно «но», если бы не шестикратный численный перевес противника и армейская выучка. В конце концов – на них наступали не бандиты наркомафии, которым, в общем-то, совершенно незачем совать голову под пули, а армейское подразделение, привыкшее подчиняться приказам. К тому же бойцам полковника Камасо удалось первыми прорваться к стене, ограждающей территорию гасиенды, и если бы не вертолеты поддержки, черная группа не выстояла бы, даже с восемью пулеметами.

В черной группе было двое убитых и трое раненых, когда один из бойцов решился на отчаянный шаг. На их территории был вертолет! Самый настоящий, причем вооруженный вертолет «Белл» армейского образца. Он был поврежден, его вывели из строя в самом начале – но вот оружием его можно было воспользоваться.

Пробежав по лужайке, боец несколькими выстрелами и ударами приклада выбил блистер со стороны штурмана, полез внутрь. Извиваясь, как ящерица, протиснулся в пилотскую кабину, оттуда перебрался на место пулеметчика. К его облегчению, он увидел, что тут стоит не «Миниган» и не «GAU-19», а старый добрый пулемет Браунинга в его авиационном варианте. Ему для того, чтобы стрелять, не требовалось питание из бортовой сети вертолета...

Почти оглохнув от грохота пулемета в замкнутом пространстве, он стал основной огневой точкой, сдерживающей продвижение сил противника, он сразу и не услышал в наушниках сигнал «тушите пламя» – сигнал к экстренной эвакуации. Только когда кто-то подбежал к вертолету и стукнул прикладом, тот понял, что что-то не так.

– Лиу?! – Это был командир черной группы, сержант Подворски, он орал как оглашенный. – Ты охренел совсем?! Сваливать надо, сигнал к отходу минуту назад был!!!

Лиу увидел, как в проломе стены что-то мелькнуло, и ответил пулеметной очередью. Сержанта едва не отбросило назад – он стоял рядом с работающим крупнокалиберным пулеметом, его ухо было всего в паре футов от среза ствола.

– Твою мать! Ты что, охренел совсем?!

– Извините, сэр!

– Сваливай, я прикрою! Сваливай!

Оставив пулемет, который вот-вот должен был заклинить от перегрева, Лиу сунулся к бортовому люку и хотел открыть его, как сам люк взорвался, вспыхнул и ударил его в грудь. Кто-то из гранатометчиков все же дождался момента...

«Драгун-один»

Вертолет завис прямо над разбитой в хлам чашей фонтана, посадочной площадки не было совсем, а поднимать всех раненых корзиной... вовек не уберешься отсюда. Бортовые пулеметы уже молчали, и штурман стрелял через открытый блистер из находящегося в НЗ короткоствольного автомата, чтобы хоть как-то сдержать натиск противника. По их прикидкам, им здесь противостояло не меньше двухсот человек, в два с половиной раза больше, чем они рассчитывали и чем был прогноз разведки. Плюс бронетранспортер и две машины с пулеметами, которые им все же удалось поджечь огнем бортовых пулеметов. Полное безумие было идти с такими силами на штурм укрепленной горной крепости, и просто удивительно, что на площадке горит один вертолет, а не все четыре.

Ослепительно вспыхнул термит – и лежащий на боку «Сикорский», который, даже сбитый, послужил укрытием от пуль, окутало нестерпимо яркое пламя...

Сжав зубы так, что еще немного – и осколки белые посыплутся, майор Сабаашвили считал минуты, пока он сам и его вертолет были легкой добычей для любого стрелка...

Наконец кто-то сунулся к ним в кабину, пропахший порохом, кровью...

– Взлетаем!

Майор принял ручку на себя, двинул селектор тяги, давая полную на обе турбины. Топлива было настолько в обрез, что нечего и думать о том, чтобы вернуться обратно. Придется вызывать заправщик с авианосца и заправляться над морем...

Вертолет пошел вверх – и тут кто-то застучал в переборку, отделяющую пилотскую кабину от десантного отсека.

– Стой! Человек внизу! Человек внизу!

– Деда шено...

– Там человек...

– Стой, куда?!

Штурмовая группа «Черные». Капрал Лиу

*Верь в судьбу,
Ибо нет судьбы,
Кроме той, которую мы творим!
Одна из заповедей русского человека*

Прошедший жестокий годичный курс интенсивной подготовки на курсах подготовки амфибийных сил Флота Тихого Океана Российской Империи, капрал Джейсон Лиу верил в судьбу, которую он творил. Именно поэтому, придя в себя в горящем костром вертолете, задыхаясь от дыма, он пополз к другой двери.

Ручка аварийного открывания – он дернул ее, собрал свои силы в кулак – и, толкнув люк десантного отсека, вывалился на траву и пополз. Через несколько секунд – вертолет, в который попала граната, взорвался.

Сил стоять не было, но были силы ползти. Он пополз от вертолета в том направлении, где гремел винтами другой вертолет, уже зная, что не доползет. Не успеет. На полпути его перехватил кто-то. Подворски – все лицо в крови, но стоит на ногах, как-то держится.

– Цел?! Мать твою, цел! А ну – пошли!

– Сержант... Иди к вертолету...

– А ну – встать! Встать, капрал!

В свете вспышки термитного заряда, уничтожившего сбитый русский вертолет, они увидели, как на фоне гасиенды поднимается еще один, как пули выбивают мимолетные колкие искры из его брони.

Вот и приехали...

Вертолет слегка дрогнул и начал смещаться в их сторону. Пули свистели через их головы, из распахнутого десантного отсека десантники отстреливали последние оставшиеся у них патроны. Их прикрывали.

Кто-то прыгнул из десантного отсека, метров с семи-восьми, упав прямо им под ноги. Перекатился, открыл огонь из автомата...

– Давайте! Сейчас лестницу сбросят! Уходите, я прикрою! Ну!

Когда Подворски и Лиу уже уцепились за лестницу – Лиу обернулся и увидел, что тот, кто прикрывал их последний рывок к вертолету, безжизненно лежит на земле...

Гасиенда

Капитан Риц-Дэвис, обе руки которого были заняты здоровенной противохеликоптерной винтовкой, неожиданно наткнулся в коридоре на полицейский щит, полностью перекрывавший его. В бойнице щита торчал пулемет, и кто-то дружески посоветовал ему с той стороны:

– Бросай оружие, амиго! А то у меня палец чешется...

Личная охрана Альварадо – а в живых осталось, по подсчетам капитана, пять-семь боевых способных стрелков, не больше – привели его к дону Мануэлю. Дон Мануэль был безоружен, он доставал документы из какого-то кейса, быстро просматривал их и бросал в весело горящий под ногами прямо на полу костерок. Пацаны такие костерки называли «теплинка» – и теплинки эти могли привести к большому, очень большому пожару.

– Синьор, мы нашли у него оружие!

– Мать вашу, я сражался вместе с вами! – Кто-то сильно толкнул стволом капитана в спину. – Я сбил один из вертолетов, и если бы не я – вас всех прикончили бы тут к чертовой матери!

Старый мафиози поднял глаза на капитана британской разведки. В его глазах танцевало свой бесовский танец пламя костра.

– Я не знаю, предал ты меня или нет, парень... – сказал мафиози, – скорее всего, нет. Но в нашем бизнесе нет места сомнениям, и тот, кто выжил при подозрительных обстоятельствах, жить не должен. Пусть жизнь идет своим чередом, и тот, кому Господь повелел умереть – пусть умрет. Хорхе!

– Да, хефе.

– Мы уезжаем, немедленно. Расстреляй этого человека.

– Нет, сэр! Нельзя!

Один из боевиков, которому североамериканская пуля прочертила по щеке и едва не убила, рванул британца за плечо, толкнул вперед, чтобы он упал на колени.

– Какого черта, хефе?! Давай я прикончу этого идиота!

– Не смей! Оставь его!

Боевик повиновался. Альварадо смотрел на британского офицера в упор.

– Что ты хочешь сказать, Десперадо? Ты хочешь рассказать, как вам удалось выйти на меня? Признаюсь, было бы интересно послушать.

– Первый, кто выедет из дома, – покойник! Вертолеты ушли, но у них есть беспилотные аппараты! Перед самым штурмом были взрывы – от них! Они могут два дня находиться над объектом. Два дня в постоянной готовности, с ракетами! Первый, кто выедет сейчас из дома – покойник! Покойник!

– Не верь ему, хефе! Это он нас сдал! Североамериканцы пошлют бомбардировщики, как тогда! Надо уходить!

Альварадо опустил глаза и посмотрел на догорающий под ногами костерок. Без подпитки он угрожал погаснуть.

– Где полковник? Пригласите его.

Авианосец «Императрица Екатерина»

В штабе управления авиационной группой все свободные от несения дежурства офицеры стопились за спиной одного из операторов, относящихся к группе разведки. Такие группы всегда были на авианосцах, но если раньше на их вооружении были пилотируемые самолеты-разведчики, то теперь функции разведки выполняли беспилотные летательные аппараты, которых на каждом авианосце было больше десятка. Поскольку в двадцать первом веке авианосцам часто приходилось выполнять функции плавучих аэродромов и наносить удары по берегу, флотские беспилотники теперь тоже могли нести вооружение.

Два беспилотника, и четыре ракеты. Одну израсходовали на бронетранспортер, еще две – на две зенитные установки. Одна из ракет осталась...

Разгромленную гасиенду было плохо видно из-за пожаров. Горела казарма, горели два вертолета, горела техника перед воротами. Редкая цепочка уцелевших солдат продвигалась по исковерканному регулярному саду, стреляя в тех, кто лежал, – контроль.

– Ублюдки...

– Они победили нас... – задумчиво сказал кто-то.

– Сударь, еще одно слово, и будет повод для дуэли, – запальчиво ответил второй.

– Наблюдаю один... три... девять... одиннадцать целей. Отмечены как враждебные.

Это было все, что осталось от людей полковника Камасо – одного из лучших подразделений армии Перу.

– Доложить по системам.

– Двигатель – норма, фюзеляж – норма, вооружение – норма, система прицеливания – норма. Все системы стабильны.

– Приказ для «Альбатроса-два» – не покидать район.

– «Альбатрос-два» принял.

– Внимание в ангарах! «Четыреста тридцатый» – на исходную-один. «Четыреста тридцать первый» – на исходную-два. Исполнять!

На нулевом уровне в каюте дежурных экипажей четверо летчиков сорок третьей ударной палубной эскадрильи ВМФ Российской Империи проходили последнюю предстартовую проверку. На минус первом уровне – небольшие, приземистые и очень мощные тягачи подцепили два средних истребителя-бомбардировщика «С50» конструкции Северского и потащили их к основному и запасному лифту для того, чтобы поднять на палубы. Лифты справились с задачей почти одновременно – и в крошечной тьме тягачи потащили самолеты на первую и вторую исходную позицию, как им приказал летный босс – старший оперативный офицер боевого применения авиации, капитан первого ранга Горбатов.

Совершенно секретные самолеты пятого поколения «С50», новейшие разработки конструкции заводов Северского, были не так красивы, как машины четвертого поколения, в каких-то ракурсах похожие на разъяренную, раздувшую капюшон кобру. Но у них были свои преимущества – сверхзвуковой крейсерский полет, встроенные в фюзеляж отсеки для вооружения и на порядок уменьшенная радиолокационная заметность. Сейчас на «Императрице Екатерине» базировались два первых и пока единственных «С50» в исполнении для палубной авиации. В боковых отсеках для вооружения у каждого из них было по тысячекилограммовой бомбе, а в центральном отсеке – три новейшие ракеты «воздух – воздух» типа «РВВ-АЕ», применять которые не планировалось...

Палубные команды сноровисто закрепили самолеты на стартовых позициях. Сложенные крылья и кили расправились, в несколько секунд превратив гадких утят в прекрасных лебедей. Пилоты уже были в кабинах самолетов, проводили предполетную проверку систем.

– «Вышка-контроль», я «Четыреста тридцатый», позывной «Сокол-один», запрашиваю разрешения на взлет в секторе Юг. Стартовая позиция один, все системы исправны.

– «Вышка-контроль», я «Четыреста тридцать первый», позывной «Сокол-два», запрашиваю разрешения на взлет в секторе «Восток». Стартовая позиция два, все системы исправны.

– «Сокол-один», «Сокол-два» – взлет по готовности!

Техник палубной команды пустил катапульту – и самолеты выбросило с палубы в воздух. Дав форсаж и почти мгновенно перейдя звуковой барьер, русские ударные самолеты ушли в юго-восточном направлении...

– Где полковник Камасо?

Солдат с лейтенантскими погонами, тоже раненный, стоял перед наркомафиози навывтяжку, как перед генералом.

– Синьор, полковник Камасо тяжело ранен.

Так оно и лучше...

– Возьми машину из моего гаража и отвези его в госпиталь, немедленно. Полковник Камасо должен остаться жив.

– Так точно! Спасибо... синьор.

– Наблюдаю цель, возможно, особо важный объект. Цель движется.

– «Альбатрос-два», опознание.

– Цель – автомобиль типа «Роллс-Ройс», черного цвета. Двигается направлением на восток. Присвоен номер двадцать шесть.

Так и есть. Уходит.

– «Альбатрос-два», возможность поражения цели?

– Господин капитан, цель поразить возможно.

Капитан, отвечающий за группу беспилотников, вопросительно глянул на офицера контрразведки, неприметного человечка, взятого на борт во Владивостоке. Тот утвердительно кивнул.

– «Альбатрос-два», движущуюся цель с номером двадцать шесть уничтожить, ущерб максимальный.

– Координаты?

– Четыре один Михаил пять пять три два четыре на восемь один два один девять семь шесть, конец.

– Четыре один Михаил пять пять три два четыре на восемь один два один девять семь шесть, к исполнению принял.

На экране появилась сетка прицела.

– Приказ?

– Уничтожение, ущерб максимальный.

– Принял. Система стабильна, аппарат в боевом, получена цель, есть зона, есть готовность, есть разрешение, время над целью одна секунда. Старт!

Почти сразу же автомобиль «Роллс-Ройс», который только подъезжал к воротам исчез в яркой вспышке.

– Есть попадание. Цель уничтожена, ущерб максимальный...

На экране был виден горящий автомобиль.

– Господа...

– Господин капитан, «Соколы» один и два вошли в воздушное пространство Перу, приближаются к цели.

Это было нежелательно и рассматривалось как самая крайняя мера, которой надо было избегать при любой возможности.

– Приказ «Соколу-один» и «Соколу-два» – прекратить, немедленно прекратить.

– «Вышка-контроль», я «Сокол-один», вошли в воздушное пространство Перу. Одна минута до цели...

– «Сокол-один», я «Вышка-контроль», красный свет, красный свет! Немедленно прекратить! Возвращайтесь на базу, повторяю – красный свет, приказ – возвращаться на базу.

Пилоту «Сокола-один» было несколько жаль возвращаться на базу – если бы не этот приказ, он бы вошел в историю как пилот, первым выполнивший реальное боевое задание на самолете пятого поколения. Но приказ... есть приказ.

– «Сокол-два», я «Сокол-один», красный свет, мы возвращаемся.

– «Сокол-один», тебя понял, идем назад...

Пилот «Сокола-один» резко принял штурвал на себя, дал тягу двигателям – и груженный самолет резко ввинтился в небо, выполняя петлю Нестерова. Если не удалось выполнить задание – так хоть похулиганить немного...

Солдаты полковника Камасо, оставшиеся в живых, выжившие под огнем ракет с БПЛА, бортовых пулеметов с русских вертолетов, под огнем североамериканской штурмовой группы, умерли, даже не поняв, что произошло. Огонь нескольких автоматов наркобоевиков из группы охраны Альварадо скосил их как косой. Доблесть – ничто против циничного расчета и неумолимой подлости...

– И что нам теперь делать, умник? – Альварадо смотрел тяжело и властно. – Скажи, раз ты такой умный и предусмотрительный.

Капитан Риц-Дэвис именно в этот момент ощутил, что его статус меняется и меняется очень серьезно. Больше он уже не агент британской разведки, он – нечто другое.

– Поверить не могу, что здесь нет какого-то черного хода... под землей. Здание горит, и надо уходить. Думаю, вам есть куда пойти, синьор.

Наркобарон потер лоб.

– Ты прав, англичанин. В любой стране – мне есть куда пойти...

Где-то в Перу

Старый, скрипящий от старости семитонный «Додж» семидесятых годов, используемый здесь для местных перевозок, захрустев донельзя изношенной коробкой передач, остановился у обочины одного из шоссе, неухоженного и грязного, но ровного.

Пожилой человек, сидящий на переднем сиденье, достал несколько крупных купюр североамериканских долларов, молча протянул их водителю. Человек этот был одет как крестьянин, но он не был крестьянином, и водитель это хорошо понимал. Какую бы шкуру ни натянул на себя волк, будут видны зубы.

– Премного благодарен, сеньор, – испуганно сказал водитель, – я никому не скажу о том, что подвез столь щедрого сеньора, да благословит вас Дева Мария.

Одетый крестьянином пожилой сеньор ничего не ответил водителю. Просто посмотрел ему в глаза и вышел из машины.

Из решетчатого кузова потрепанного «Доджа» выпрыгнули еще несколько человек. У них были сумки, которые они несли через плечо.

Странная группа людей сошла с дороги...

Старинный чугунный молоток глухо стукнул в кованую наковальню, прикрепленную к двери из потемневшего от времени дерева. Стукнул ровно трижды.

За дверью зашуршало...

– Кто вы и что вам нужно в мирной монастырской обители? – глухо спросили из-за двери.

– Откройте, именем Христовым, – сказал Мануэль Альварado.

Лязгнул засов. Дверь открылась. Худенький, невысокий, средних лет патер в простом, подпоясанном веревкой одеянии, отступил в сторону.

– Проходите, братья. Кров и стол всем, кто чтит имя Христово.

Капитан Джейкоб Риц-Дэвис шел последним. Когда патер снова закрыл дверь на засов, он остановился, снедаемый любопытством, и спросил у задвигающего обратно засов патера:

– Отче, а разве в божью обитель можно с оружием?

Глухо лязгнул стопор засова.

– Сын мой, не убий не значит – не защити. В последние времена, во времена распада и разложения, вера Христова как никогда нуждается в защите. Вправе ли я отказать в крове тем, кто стоит за веру Христову с оружием в руках...

Капитан Риц-Дэвис совершенно не был уверен, что самый могущественный наркобарон американского континента, который только что чудом избежал смерти, стоит за веру Христову с оружием в руках. Но он понял, что все не так просто, и нужно еще очень многое узнать и понять, прежде чем делать какие-то выводы. И поэтому он поблагодарил патре за наставление и последовал за ним прохладным и темным монастырским коридором.

На следующий день все мировые телеканалы прервали свою трансляцию для экстренного выпуска новостей. В пресс-центре Белого Дома президент САСШ Дарби Морган объявил о том, что в результате специальной операции наркоторговец и глава террористической сети был уничтожен. Свою речь он начал со слов «Хвала Господу, мы сделали это».

Никто даже и представить не мог, что произойдет потом.

Картинки из прошлого Июнь 2005 года. Мехико-Сити. Индейская территория

Всю ночь спал плохо. Снились кошмары. Почему-то горящий на каком-то холме крест, как при ку-клукс-клановских расправах.

Верный своей привычке всему и вся искать объяснения, я понял, что кошмары начинаются, если спать на спине, возможно, в таком случае труднее дышать. Теперь я ложился спать на бок, но во сне почему-то переворачивался на спину, и мне снова и снова снились кошмары.

Сегодняшний был знакомым – ночь, дождь как из ведра, тонкая полиэтиленовая пленка, шершавый рубероид крыши – и снайперская винтовка в руках. Я даже знал, какая именно, – «М500» североамериканского производства. Я не знал, кого я должен застрелить, и, наверное, никогда этого не узнаю, потому что сон внезапно обрывался, оставляя страх и тяжесть в груди.

Эти сны начали мне сниться совсем недавно, они были яркими, как пленка синематографа. И я не знал, что с ними делать.

Едва выпавшись, я встал в шесть часов утра, когда на улице был сумрак – ночь уже уходила, а день никак не мог вступить в свои права. Марианны рядом уже не было.

Поплелся в душ – здесь, в Мехико, душ был роскошью, нормальной воды не хватало даже для питья. Под струями холодной воды, безжалостно бьющими как тогда, *на крыше*, пришел в себя. Вспомнил – все, что было, и все, что есть. И даже не хочу задумываться, что будет дальше...

Марианна сидела в большой комнате, поджав под себя ноги по-турецки. На ней была только моя рубашка – ненавижу эту привычку – и ноутбук, который она сосредоточенно просматривала. Ни у нее, ни у меня не было постоянного сотового телефона, вся информация приходила либо адвокатам, либо на почтовые ящики, в которые можно зайти в любую минуту с любого места и любого компьютера. Простая мера предосторожности, одна из многих.

Марианна не обратила на меня ни малейшего внимания, поэтому я пошел на кухню (или то, что здесь называлось кухней) готовить кофе. Джезва была грязной, пришлось мыть – зато кофе был просто отличный, колумбийский. К сожалению, его все меньше и меньше, в стране идет необъявленная гражданская война, специальные самолеты день и ночь кружат над страной, разбрызгивая специальные ядохимикаты, которые губят растения. Рассчитано это на плантации кокаиновых кустов, но бьет по всем, в том числе по фермерам, которые, оставшись без урожая, берутся за автомат. Когда в стране необъявленная гражданская война, выращивают только то, что дает максимум выхода при минимуме затрат. А кока – это же сорняк, сорный куст, за ней и ухаживать особо не надо...

Кофе сварился быстро, когда я разливал его по чашкам, почувствовал, что Марианна зашла на кухню.

– Кофе готов, – объявил я.

– Ты надолго? – спросила она.

Отвечать не хотелось.

– Не знаю, – честно ответил я, – у меня серьезные неприятности.

Серьезные или нет – это еще вопрос. Убивать меня сейчас нет смысла – разве что только отомстить. Но в британской разведке тоже не дураки сидят, они понимают, что любое следующее решение, которое они примут, только усугубит ситуацию. Есть такие ситуации, наилучший выход из которых – оставить все как есть и ничего не предпринимать.

Настораживало только одно – почему британцы решили активизироваться именно сейчас. И почему они так легко и быстро пошли на острую акцию?

А вот взрыв в кондоминиуме, при котором я едва не попал на банкет и только чудом спасся, – это уже серьезнее. Надо выяснить – возможно, кто-то остался в живых. Если нет, то моя связь с СРС оборвана, временно или постоянно. Это не такая организация, в которую можно зайти просто через парадный вход. Либо тебе доверяют, либо нет.

На подносе я перенес кофе в большую комнату. Сам пока пить не стал...

– Можно? – я показал на компьютер.

– Валяй.

Я вставил в разъем флеш-карту, которую постоянно носил с собой на шее, она содержала ключ шифрования. Ничего противозаконного, просто защита своих коммерческих тайн и интересов от любопытных глаз. На флешке содержались сразу несколько ключей, для каждого почтового ящика свой. Почту я не разгребал вот уже пару дней, и это плохо. В отличие от сотового телефона, который требует немедленного внимания, такое ведение дел требует сосредоточенности и добросовестности.

Письмо попало на третьем почтовом ящике. Солидное такое, на специальном электронном бланке.

«Нортон Ойл». Председатель Совета Директоров г-н Джек Мисли желал бы пригласить Его Сиятельство, князя Александра Воронцова на randevu для обсуждения безотлагательных вопросов коммерческого характера. Доставка за счет принимающей стороны с любой точки земного шара. Данное письмо нуждается в ответе и как можно скорее.

Я даже моргнул, не веря тому, что увидел. Но письмо никуда не делось.

«Нортон Ойл». Джек Мисли.

Это значило – снова что-то происходит. И Мисли снова – как тогда, в деле с атомными бомбами в Вашингтоне – ищет неофициальных контактов.

Даже титул правильно написали, не переврали, как обычно здесь.

– На, посмотри. – Я передвинул компьютер Марианне. Та допила кофе, взгляделась, присвистнула.

– Самый верх.

– Вот именно. Интересно, где он? Что говорят про него?

Марианна пожала плечами:

– Либо где-то здесь, либо в Бразилии. У него работы в кризисных регионах, в основном на шельфе. Здесь, в Мексиканском заливе, ему принадлежат девять вышек из десяти. Бурение на шельфе Западного побережья – тоже его. И Бразилия.

– Бразилия?

– В Бразилии обнаружили нефть. Очень глубоко, но залежи, судя по слухам, громадные, десятки миллиардов тонн доказанных запасов. Бразилия сейчас – это новое Эльдorado.

– Насколько глубоко?

– Глубоко. От километра, возможно, даже и больше. Сейчас бурение идет там, где еще пару десятилетий назад и помыслить не смели. Глубоководные буровые платформы, возможно даже подводные танкеры¹⁸, как у вас.

– И война...

Бразилия. Страна пляжей, красивых и доступных девушек и жестокой войны, развязанной там одним придурком и пока только набирающей ход...

¹⁸ Танкеры, сделанные по технологиям атомных подводных лодок, применялись в Российской Империи для добычи на арктическом шельфе. Новейшие технологии предусматривали полностью подводную добычу – подводные буровые платформы, не зависящие от ледовой обстановки, и подводные лодки-танкеры, принимающие добытую нефть. От некоторых скважин на сушу или к танкерным причалам на мелководье шли подводные трубы.

– И война, – согласилась Марианна, – очень серьезная война. Там многие пасутся, но нас там нет. Если Джек Мисли замолвит за нас словечко – я буду ему несказанно благодарна.

Набрав ответ, в котором я указал номер купленного в мексиканском аэропорту сотового телефона, я послал его и открыл сайт Stratfor – исследовательского центра, занимающегося изучением военных конфликтов и прогнозированием рисков. Сбросив им денег с электронного кошелька, через несколько минут я получил два варианта доклада по Бразилии – на несколько десятков и несколько сотен страниц. Дорого, но я уверен, что этот доклад если и уступает тому, что находится в распоряжении СРС, то ненамного. Интернет вообще очень упростил нашу жизнь, теперь через него можно заполучить девяносто процентов нужной тебе развединформации, от спутниковых снимков местности до такого вот доклада. Есть даже сайты, где энтузиасты анализируют эти спутниковые снимки, ищут признаки сооружений военного характера, проводят военно-стратегические игры.

Джек Мисли... Вице-президент. То, ради чего я здесь и работал. Выход на самый верх, туда, куда чужого не пустят. Наш человек в Вашингтоне. Попытаться раз и навсегда сломить монополию Великобритании на тайное управление.

Зазвонил телефон. Тот самый, который я купил, у него был громкий и неприятный звонок.

– Господин Воронцов?

Холодный голос, явно принадлежащий даме. Вышколенной, холодной как лед даме, явно личной помощнице.

– С утра был им... – Я привычно взял чуть шуточный тон, чтобы сбить собеседника с нити разговора.

Бесполезно. Такую не собьешь.

– Господин Воронцов, господин Мисли послал за вами частный самолет в Мехико. Он прибудет примерно через пять часов, бизнес-терминал. Вы сможете там быть, господин Воронцов?

– Если не убьют по дороге, то буду.

– Вас встретят у дверей терминала, с паспортом проблем не будет. Можете ничего с собой не брать.

– Кто встретит, сударыня?

– Я лично. Думаю, что я узнаю вас.

– С нетерпением жду встречи.

И опять не сбилась:

– До встречи, господин Воронцов.

Джек Мисли. Человек с самого верха. Интересно, чем и кем он является сейчас, после отставки...

Теплые руки легли мне на плечи сзади.

– Летишь?

– Лечу. В конце концов, это наш хлеб, мы этим живем. Надо сделать домашнее задание. И верни мне рубашку...

Вернула...

К бизнес-терминалу меня подвезла Марианна. Во-первых, потому, что у меня не было здесь машины, во-вторых, потому, что хотела посмотреть, с кем и как я полечу. Этакое проявление власти... тонкой, почти невидимой субстанции, определяющей в этом мире очень многое. Думаю, то, что она увидела, ее не обрадовало.

Дамочке, которая меня ждала, без картонки с именем, конечно, не тот уровень – было двадцать с чем-то, но по некоторым признакам можно было сказать – за тридцать. Просто отличная работа пластических хирургов с Вильфранс Сюр-Мер или тому подобного места (в

Голливуде есть неплохие клиники). Штучка с Восточного побережья – строгая черная блузка, узкая юбка по колено, настолько узкая, что передвигаться в ней проблематично. Несколько языков и, возможно, академия в Куантико. С такими надо держать ухо востро.

– Мистер Воронцов? – она безошибочно меня узнала, направилась сразу ко мне. Хотя не узнать сложно, да и в бизнес-терминале было не так-то много народа.

– Так точно, – по-военному отрекомендовался я.

Рядом с собой я чувствовал настоящую атомную бомбу, готовую взорваться, – Марианна, как и все латиноамериканки, была жутко ревнива, и ей составляло большого труда держать себя в рамках. Она это делать умела, но глаза ее выдавали.

Впрочем, я не такой дурак, чтобы вестись на такую вот дамочку из-под ножа хирурга и с мутным прошлым. Она-то не против, только намеки. И в коллекции записей шефа появится еще одна кассета с компроматом. Так обычно работают с публично избранными политиками, сенаторами, конгрессменами, министрами. Северная Америка – страна ханжеская, и если у нас похождения министра иностранных дел с очередной пассией, годящейся ему во внучки, вызывают у кого зависть, у кого смех, то в САСШ за это можно слететь со своего поста. Меня компрометировать незачем, того, что уже есть, вполне достаточно, это с лихвой перекрывает интрижку на борту бизнес-самолета, – но, может быть, попытаются просто для коллекции сделать.

– Самолет нас ожидает, можем лететь. Таможню пройдем по зеленому коридору. На следующий день будете здесь же.

– А можно остаться в Бразилии?

И снова – никакой реакции.

– Как вам будет угодно, мистер Воронцов.

В Бразилии я оставаться не мог. Нужно было разбираться и с делами Ксении.

– Жди меня, и я вернусь, – прежним, легким тоном я попрощался с Марианной и тут же пожалел об этом. С ней так не стоило, для нее это намного серьезнее, чем для меня.

Она просто пожала мне руку.

На летном поле, куда нас отвезли на бронированном «Кадиллаке» последней модели, нас ожидал не просто деловой реактивный самолет – а «Boeing BBJ». Семьсот тридцать седьмая модель, переделанная в бизнес-самолет, просто потрясюще роскошный, своего рода летающая яхта. Несколько комнат, королевская кровать, кабинет со столом для совещаний. У президента САСШ в самолете хуже обстановка, потому что он летает не один, с ним охрана и пул журналистов. Сам я этого не видел – но, со слов Марианны, представлял себе вполне отчетливо.

За нами закрыли люк, двигатели уже были запущены, и самолет моментально начал рулежку. Мы пристегнулись в креслах, дождались, пока взлетели.

– Чай, кофе, спиртное, господин Воронцов, или...

«Или...» – деликатная форма предложения сами понимаете чего. В Вашингтоне с этим надо быть осторожнее.

– Спасибо, ничего не нужно. Сколько нам лететь?

– Примерно четыре часа с небольшим, господин Воронцов.

Я откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Может, хоть здесь удастся поспать без кошмаров...

Картинки из прошлого

Июнь 2005 года.

Рио-де-Жанейро, Бразилия

Когда заходили на посадку, я увидел местную достопримечательность. Огромного Христа, раскинувшего руки над этим бедным городом на горных склонах и в небольшой долине у самого берега моря. Как скворечники, на горных склонах громоздились самодельные домики фавел – местных трущоб.

Я так и не понимал, почему североамериканцы начали здесь войну. Не было ни малейшего признака того, что страна или ее руководство выходит из-под контроля. Ни малейшего! Соседняя страна Аргентина находилась под сильным влиянием Священной Римской Империи Германской Нации и ее сателлита – Испанского Королевства, – но при этом германцы не сделали ничего такого, что свидетельствовало бы об их притязаниях на Бразилию. Англичане? Могли, конечно – но их же здесь никогда не было. Они отлично работают на Среднем Востоке и в Африке, где они раньше были, чуть хуже – в других регионах мира, но Бразилия-то тут при чем? Нефть? Двухсотмильная экономическая зона?¹⁹ Неужели нельзя было договориться? Здесь, после двух государственных переворотов шестидесятых установилось неустойчивое, но устраивающее всех равновесие, когда подавление бразильского народа осуществляли сами бразильцы. Страна разделилась примерно поровну, одна половина жила во вполне цивилизованной стране, другая – в фавелах, не работая и не платя налогов. У нас, на Восточных территориях, тоже были укрепленные поселки и компаунды с пулеметами на крыше, но мы защищались от религиозных экстремистов, подзуживаемых британцами и британскими ставленниками, а тут одна половина общества защищалась от другой половины. Защищалась жестоко – полицейские в свободное от работы время подрабатывали в эскадронах смерти, устраивая рейды по фавелам и расстреливая всех, включая детей. В соседней Аргентине офицеры тоже устроили террор, но там был террор против коммунистов, которые сделали сознательный выбор, став коммунистами, а здесь был террор против собственных граждан, которым просто не повезло в жизни. Вместо того чтобы попытаться им как-то помочь, их просто отстреливали.

И над всем над этим стоял, раскинув руки, Иисус Христос. Христианство здесь, по сути, еще не проповедовали...

Мы приземлились почти на таком же бизнес-терминале, как и в Мехико. Те же мешки HESCO с землей по периметру, те же бронированные «Хаммеры» с пулеметами, которые есть даже здесь, на бизнес-терминале. Пока нам не нужно было выходить за пределы этого небольшого клочка цивилизации в море хаоса и анархии – на вертолетной площадке нас ждал вертолет «Белл», такой же, как и в «морской пехоте» только с шикарным, отделанным кожей салоном.

– Куда мы летим? – спросил я свою попутчицу.

– На нефтяную платформу! – ответила она, перекрикивая разгонявшуюся турбину. – Господин Мисли сейчас там!

На нефтяную платформу так на нефтяную платформу.

Нефтяная платформа располагалась примерно в двадцати милях от берега – не так далеко, но явно за пределами исключительной двенадцатимильной зоны, что еще раз наводило

¹⁹ Двести миль от берега считается собственностью прибрежной страны, но только в смысле экономического использования, без права, скажем, регулировать проход судов, что военных, что гражданских.

на мысли о целесообразности военного вмешательства здесь. Представляла собой она прямоугольную буровую платформу, примерно восемьдесят на восемьдесят метров, с большой буровой вышкой и посадочной платформой для вертолета, сбоку стояло на якоре судно обеспечения, размерами с небольшой танкер. В отличие от старых буровых вышек, которые ставились на огромные бетонные колонны, идущие от самого дна, эта крепилась на несколько якорей и поддерживала свое положение с помощью двигателей ориентации, работающих в автоматическом режиме, под контролем специальной программы. Эта буровая платформа могла собрать буровую колонну, уходящую на три-четыре километра под воду и на столько же – под землю. Технологии космического века, сама платформа стоит несколько сот миллионов долларов. Здесь, насколько я понял, просматривая отчеты Американского института нефти, ведется пока пробное бурение с целью разведать и оценить запасы. Так всегда делается – сначала надо разведать, оценить и проаудировать запасы, а потом уже собирать деньги в банках и на бирже под добычу. Сразу добывать никто не бросается.

Тяжеленная платформа сидела в воде почти недвижимо, с первой попытки сел пилот филигранно, видно, что не первый раз и даже не десятый. Платформа для вертолетов здесь была намного большей, чем обычно, не на один вертолет, а на два, причем тяжелых. Рядом стоял большой вертолет «Нортроп-Грамман», лицензионный германский «Физелер-Шторх», видимо, вертолет, на котором перемещается в пространстве Великий и Ужасный Джек Мисли.

На платформе стояло несколько человек, видимо, охрана платформы. Вооружены до зубов. Одинаковые черные очки, бейсболки с эмблемой компании, бронежилеты, современные рации. Автоматические винтовки Colt CCW с отводом газа на поршень, которые пока не поступали в морскую пехоту, ручные пулеметы Кольта с барабанными магазинами. Чтобы добыть такое оружие, надо очень и очень постараться.

Интересно, сколько еще у Мисли таких вот ребят? Выглядят серьезно, очень серьезно – скорее всего, бывшие морские пехотинцы, переманенные на тройное жалование. Североамериканская морская пехота в Бразилии прилично увязла, и немудрено – государственная организация не сможет справиться с сетевой структурой коммунистов, анархистов и наркотеррористов. А вот эти ребята – если их будет достаточно, и если они будут руководствоваться в своих действиях не уставом, а исключительно здравым смыслом – победить могут. В конце концов – вся экспансия Британской Империи в прошлом веке держалась на частных экспедициях и предприятиях, государство вступало в игру только потом.

Сопровождаемые восьмью охранниками, мы спустились с вертолетной площадки вниз, было видно, что дамочка умеет здесь ориентироваться и готова к неприятностям – в самолете она сменила туфли на десятисантиметровой шпильке на удобные кроссовки. Стальные лестницы гудели под ногами, были видны люди, которые занимались своим делом – где-то что-то варили, где-то что-то делали с трубами. В одном месте нам выдали по каске и по накидке с эмблемами компании – что-то типа мушкетерских, бледно-голубого цвета – чтобы не испачкать одежду.

Пошли дальше.

Джека Мисли мы нашли на одном из нижних уровней, он почти не отличался от обычных работяг благодаря каске и «мушкетерской накидке». Он стоял у самого ограждения и смотрел на воду у края буровой платформы, в которой плавали окурки, пустые бутылки и разноцветные пятна от разлитых нефтепродуктов. Услышав шаги, он повернулся к нам.

– Спасибо, Иден, – поблагодарил он свою помощницу, – можешь пока отдохнуть, у меня больше нет поручений.

– Не за что, мистер Мисли.

Иден... Необычное имя.

– Ваше Сиятельство... – вице-президент САСШ протянул мне свою руку. Рука была крепкой, «рабочей». Не интеллигент или юрист, а парень, пробившийся с самого низа, self made man. Сделавший себя сам.

От меня не укрылось, каким взглядом он обменялся со своей помощницей, и легкий отрицательный кивок головой. Не удалось, новой кассеты в коллекции компромата на сегодня не прибавилось.

Черт бы вас побрал, засранцев...

– Вы немного неправильно произносите мой титул, господин вице-президент, – сказал я, – по цивильному листу я имею право титуловаться «Ваше Высокоблагородие». «Ваше Сиятельство» – это титулование, принятое для европейской аристократии и рыцарства, у нас оно не применяется.

Мисли пару секунд раздумывал, как на это отреагировать, потом рассмеялся – открыто и просто.

– Черт побери, никак не могу разобраться, для чего вам такие сложности. Благородия, Сиятельства – черт ногу сломит. Мы, североамериканцы, простые люди, надеюсь, вы простите меня за эту ошибку.

– Вам не знаком придворный этикет, поэтому ошибка вполне простительна, – сказал я, – а такое титулование применяется, возможно, для того, чтобы выделить достойных, как вы считаете?

– Возможно, возможно... У нас тоже есть достойные ребята, хоть у них и нет никаких титулов.

– Не сомневаюсь в этом, сэр.

Сэр – кстати, тоже титулование, пошло из Британии, где такую приставку к имени имели лица, посвященные в рыцари. Сейчас это обесценилось, особенно в САСШ, – сэрами именовали полицейских и отрядных сержантов.

Себе я дал зарок быть осторожнее. Джек Мисли – опасный хищник, теневой правитель страны в течение восьми лет, сохранил многие позиции и сейчас, особенно в силовых ведомствах. Одному богу известно, зачем я ему понадобился...

– Полагаю, вы ищете ответ на вопрос, зачем я пригласил вас сюда, Ваше Высокоблагородие?

– Просто господин Воронцов. Нет, я не ищу этого ответа, потому что вы и сами посвятите меня в свои замыслы.

Так разговаривать с вице-президентом не стоило, но я чувствовал, что зачем-то ему нужен. Поэтому можно было обострять.

– Вы правы... Для начала ответьте на вопрос: вы работаете на русскую разведку?

А это еще что такое?

– Нет, – ответил я.

Мисли усмехнулся.

– Другого ответа я и не ожидал. Впрочем, мне кажется, что вы и впрямь не работаете на русскую разведку. Мне кажется, что это русская разведка работает на вас. У нас с вами есть что-то общее, мистер Воронцов.

Я не ответил на незаданный вопрос. На него не стоило отвечать.

– Как вы думаете, что там? – Мисли показал рукой на запад.

– Бразилия, полагаю... – осторожно ответил я.

– Не угадали. Там большая куча дерьма. Там – наша погибель...

Интересная точка зрения...

– Господин Мисли, осмелюсь напомнить, что решение на вторжение принимала ваша администрация...

– Решение на вторжение принимал один человек, – отрезал Мисли. – Придурок, за которым мы сейчас расхлебываем. Собственно говоря, из-за этого конфликта я и принял решение не баллотироваться на перевыборах. Я никогда не признаю этого публично, но все происходило именно так, господин Воронцов, и никак иначе. Один человек. И одно решение. Я хочу.

Я хочу...

Как же вы его ненавидите, господин вице-президент Северо-Американских Соединенных Штатов. Я кое-чего не понимал до этого момента – а сейчас понял. Вы его просто ненавидите, и ненавидите настолько, что убить готовы. Семья Меллонов взяла вас на буксир и тащила – как менеджера, как управленца, как организатора. А вы их – тихо ненавидели. Когда Меллону-младшему потребовался кто-то, кто делал бы за него работу в Белом Доме – сам он ее выполнять был не способен, – на должность вице-президента взяли вас. Вы ее и выполняли все восемь лет – так, как могли. Но вы его ненавидите, господин вице-президент, тогда ненавидели, а сейчас еще больше ненавидите. Вы ненавидите его потому, что сделали себя сами, пробились наверх своим трудом, терпением и упорством – а этот бывший алкоголик просто получил все от рождения, потому что родился в правильной семье. Вы создали из ничего, из списанных армейских машин миллиардный бизнес, а Меллон-младший в это же время умудрился разорить нефтяную компанию, которой он управлял, хотя при таких ценах на нефть это уметь надо. Пока вы работали, Меллон-младший пил и участвовал в сборищах каких-то подозрительных сект. Но когда начались президентские выборы – на первую роль взяли его, а не вас, потому что он Меллон, а вы – нет. И в истории будет он, пусть как один из самых худших президентов Северо-Американских Соединенных Штатов за всю их историю, такой плохой, что к концу второго срока люди были готовы его убить – но в истории будет он. А не вы. И вот за это вы его убить готовы.

И ведь ничего не кончилось. Меллон-младший сидит на ранчо и думает, что все кончилось, его брат раздумывает, как перепрыгнуть из кресла губернатора Флориды на Пенсильвания-авеню, а вы здесь. Вы работаете, и не просто так.

Ничего не кончилось...

– Скажите, господин Воронцов, почему в вашей стране такого не происходит?

– Какого – такого, сэр?

– Такого? Один человек принимает неправильное решение – и все в дерьме. На долгие-долгие годы.

– Полагаю, потому, что в моей стране человек, который произносит «я хочу», долгими годами готовится вступить на Престол и слова «я хочу» произносит с должным знанием и с полным осознанием своей ответственности перед Россией и перед Богом. Но неправильные решения все же принимались – не раз и не два, не стоит считать монархию идеальной формой правления. Просто четырехлетняя чехарда малообразованных деятелей с нездоровыми амбициями на высшем государственном посту – намного хуже.

Мисли кивнул, соглашаясь.

– Я пригласил вас, господин Воронцов, сюда, на эту платформу, я понял, что вице-президент счел вступительный обмен мнениями исчерпанным и перешел к основному, для того чтобы найти себе нового друга. Это очень важно – иметь хороших друзей.

– Полагаю... со мной вы уже подружились, сэр.

– Речь не про вас, извините. Речь про вашего Императора, Николая Третьего, господин Воронцов.

О как!

– Сэр, я не имею права говорить от имени Его Величества.

– В мафии, господин Воронцов... в итальянской мафии, с которой вы тоже имеете честь быть в знакомстве, нельзя просто так прийти в дом и пожать человеку руку. Нужно, чтобы тебя привел в этот дом кто-то, кому доверяет хозяин дома, и представил тебя. Без этого – тебя даже

не пустят на порог. Вы близко знакомы с Императором Николаем Третьим, дружите с ним. Я хочу, чтобы вы представили меня ему.

– Полагаю, сэр, вам известно, что я нахожусь в опале при дворе.

– Ай, бросьте! – Мисли раздраженно махнул рукой. – Вы не понимаете, о чем я вас прошу, господин Воронцов. И не понимаете, что это может дать вам. Вы прибыли сюда для того, чтобы тайно представлять интересы Российской Империи. Вы не разведчик, ваша задача заключается не в том, чтобы залезть в какое-нибудь здание в Бурбанке²⁰ и украсть чертежи нового истребителя-бомбардировщика. Вы не дипломатический работник, который дает взятки лоббистам, чтобы провалить какой-то невыгодный для его страны закон. Вы работаете на более высоком уровне, на котором до сих пор работали только британцы. Вы заводите связи и знакомства, пока это у вас не совсем удастся, но все впереди. Вы предлагаете решения проблем, стоящих перед страной, ваш опыт управления Персией и специалиста по борьбе с повстанческим и террористическим движением позволяет вам давать весьма ценные рекомендации и существенно помогать нам. Вы единственный на моей памяти человек, который являлся установленным русским разведчиком – и, тем не менее, по приезду был принят в СРС, причем на высшем уровне. У вас хорошие связи уже сейчас – и что самое удивительное, и при республиканцах, и при демократах вы будете вхожи. А вы мне говорите, что в опале. Подумайте, что вам это даст. Если мы наладим мост сотрудничества и взаимопонимания между Северо-Американскими Соединенными Штатами и Российской Империей – мы оба станем просто неприкасаемыми. Понимаете, неприкасаемыми. Что бы мы ни натворили – уклонились от налогов, прошлись голыми по Пенсильвания-авеню, пришибли какого-нибудь режиссера на церемонии вручения Оскаров – нам ничего не смогут сделать. Перед нами просто извинятся, вот и все. Теперь понимаете, о чем я?

Верно говорили в первом году – надо поменять президента и вице-президента местами. Может быть, тогда эта страна не находилась бы в такой глубокой... в какой она находится теперь.

Но кое-что надо прояснить.

– Сэр, полагаю, что эта неприкосновенность... более чем иллюзорна. Британцы, например, не будут ее соблюдать. Скорее наоборот.

Это был намек. Намек, который Мисли мгновенно понял.

– Вон вы про что...

– Про это самое, сэр. Весьма неприятно жить под прицелом.

– Согласен. Но варианты есть. Например, как насчет личной охраны из спецподразделения министерства обороны?

Я внезапно понял, что те парни, которые встречали нас наверху – они не из Секретной службы. Скорее всего морские пехотинцы. Да, они получают жалованье и от нефтяной компании – но кто-то их прикомандировал к вице-президенту Северо-Американских Соединенных Штатов. И я даже знал кто.

А это значило – одно из двух. Либо в САСШ, светоче демократии, готовился военный путч – либо он уже произошел. Просто никто этого не видел.

Или – видел?!

– Пентагон. Десятое сентября, – коротко ответил я.

Мисли улыбнулся, глаза его были холодными как лед.

– Рад разговаривать с умным человеком. Не будьте только слишком умным, хорошо. Итак?

²⁰ В Бурбанке, Лос-Анджелес, находятся головные офисы некоторых авиастроительных и иных компаний оборонного характера.

– Итак, сэр, полагаю, что встречу с Его Величеством вам можно устроить. Но мне нужно что-то более весомое. В подтверждение ваших намерений.

Если идешь обедать с дьяволом – готовь большую ложку. Вот только правило это работает в обе стороны.

Вице-президент пошел в сторону лестницы, махнув мне рукой.

– Следуйте за мной.

В каюте, которая была рассчитана на четверых нефтяников и в которой сейчас была одна лишь Иден, немедленно удалившаяся, Джек Мисли достал из-под кровати небольшой атташе-кейс, открыл кодовый замок. Там лежали какие-то папки, судя по красной диагональной полосе – совершенно секретные. Он достал одну из них, бросил ее на кровать рядом со мной.

– Вы ведь здесь кое-что ищете, господин Воронцов, не так ли? То, что вы искали в Мексике, в Аргентине, в Бурской Конфедерации. Полагаю, это и есть фунт мяса, который в этой игре предназначен для вас. Откройте, посмотрите...

Ночь на 29 августа 2002 года. Тихий океан. Южнее острова Святой Елены

– «Звезда», «Звезда», я «Сокол-четыре», плохая слышимость, повторите.

– «Сокол-четыре», я «Звезда», повторяю – неустойчивый радиолокационный контакт, к северу от вас, повторяю – к северу от вас неустойчивый радиолокационный контакт. Примерно восемнадцать миль от вас, курс – норд-вест, скорость около четырехсот. На запросы не отвечает, как поняли?

Господи...

– «Звезда», я «Сокол-четыре», это за пределами нашего сектора. Вопрос – что вы от нас хотите?

– «Сокол-четыре», я «Звезда», Главный хочет, чтобы вы проверили контакт. Возможно, это русский ракетносец, как поняли, прием?

Командир тактической авиационной группы дальнего рубежа капитан-лейтенант ВВС Дик Бримли переключился на внутреннюю сеть, которая связывала лишь четыре самолета его группы.

– Парни, Главному мерещится русский ракетносец в восемнадцати милях от нас.

– Черт, этому убудку опять геморрой спать не дает... – послышался усталый и раздраженный голос капитана Ника Аройо, позывной «Сокол-три».

– Осторожнее с выражениями. Старик может услышать с расшифровки, и тогда крышка, – предупредил третий из их группы, самый молодой и самый рассудительный из всех, лейтенант Дик Хеншо, позывной «Сокол-один».

– Плевать. У меня на расшифровке знакомый работает. Верней, знакомая... – легкомысленно отозвался Аройо.

– Черт, может, это «Треска»²¹ к нам летит? – предположил вслух Бримли.

– Может быть...

– «Сокол-четыре», куда вы пропали! – надрывался пост управления на авианосце. – «Сокол-четыре», вернитесь на основную частоту, немедленно!

Капитан-лейтенант переключился на основную частоту.

– «Звезда», это «Сокол-четыре». Если это приказ, то мы отработаем контакт. Но после этого – готовьте посадку, я чертовски устал тут болтаться, и у меня мало топлива.

– «Сокол-четыре», вас поняла. Главный требует немедленной проверки...

– «Звезда», принято...

Капитан-лейтенант снова переключился в закрытую сеть.

– Идем отработывать контакт, я ведущий. Построились, парни.

– Вчетвером? – поинтересовался Аройо. – Может оставить меня и первого на рубеже? Вообще-то мы не должны выходить за пределы сектора.

– Может, это и вправду русский ракетносец?

– То-то он мимо нас летит. Может, наркоту везут.

– Ее обычно в Африку возят, а не наоборот.

Шел... черт его знает, который день политического и военного кризиса в Персии, и все предельно устали. В Атлантическом океане один североамериканский авианосец – «Форрестол»²² и два британских – «Кинг Георг I» и «Кинг Георг II» – противостояли четырем авиа-

²¹ COD, Carrier on delivery – специальный легкий двухмоторный транспортник, способный садиться на авианосец.

²² Новый «Форрестол», водоизмещение восемьдесят шесть тысяч тонн, атомный.

носным группам русских. Русские вывели на позиции «Цесаревну Ксению» – сверхавианосец дальнего рубежа, водоизмещением сто сорок тысяч тонн, с шестью дорожками – фотографию показывали на брифингах, жуткая штука. Русские действовали по плану «Завеса», их поддерживали германцы своими двумя авианосцами – итого шесть против трех, не самый лучший расклад. Они же вынуждены были держать авианосцы в Тихом океане – против Японии, в северном секторе Атлантики у самых берегов, и в Индийском океане, какой-то идиот сгрудил шесть современных авианосцев там, в Индийском и южной части Тихого океана. Русские и германцы действовали по плану «Завеса», они должны были отрезать американский континент от евроазиатского в случае начала большой войны – поэтому кроме авианосцев на позициях были три русских и три германских линкора, а также подводные лодки-охотники, в основном германские, океан ими буквально кишел. Сначала все думали о самом худшем, писали письма домой, каждое – как последнее. Сейчас все просто устали до предела, вот и все. Самолеты были на последнем издыхании, надо было проводить полную профилактику, а кое-где – полностью менять турбины. Пилоты чуть с ног не падали, налетали почти что годовую норму. Но в то, что там впереди русский дальний ракетносец, капитан-лейтенант Бримли, командир дежурной группы прикрытия дальнего рубежа, не верил. Если до сих пор не началось, то и не начнется...

Возможно, просто какой-то грузовой лайнер, сбившийся с курса и не отвечающий на запросы из-за поломки. Ночь, да и ветер вон какой скверный, так и шатает...

Капитан включил радар своего «F18» в поисковый режим, если бы он подозревал, что там ракетносец русских – он бы этого не сделал, чтобы не раскрывать себя. Радар почти сразу выдал точку, для истребителя она была весьма жирной. Больше всего это походило на транспортный самолет.

– «Сокол-один» и два, поднимитесь повыше, займите эшелон шесть тысяч.

– «Сокол-два», принято.

Как и положено было, ответил лишь ведущий.

Неизвестный самолет был достаточно тихоходным, «F18» быстро настигли его, поддерживая скорость примерно шестьсот пятьдесят миль в час. Видимость была скверной, если вторая пара на шести тысячах точно была выше нижнего края облачности, то они были как раз в облачном покрове, море штормило, и их шатало, как на русских горках, капитан-лейтенант, удерживая управление, осторожно сближался с целью, в такой облачности и при таком ветре можно было запросто столкнуться как со своим ведомым, так и с неопознанным объектом.

Неопознанный объект продолжал следовать своим курсом, не предпринимая маневров уклонения, что лишний раз доказывало, что это гражданский самолет, военный бы уловил излучение поискового локатора и попытался бы поставить помехи, уклониться, а то и ударить по преследователям из кормовой установки. Непонятно было, зачем он летит при такой турбулентности, в слое облаков, когда можно свободно подняться выше, где намного спокойнее. Если бы он летел в обратную сторону, со стороны Латинской Америки в Африку – капитан-лейтенант побился бы об заклад, что это крупный перевозчик кокаина. Но он летел наоборот – в Латинскую Америку.

– «Сокол-четыре», опасное сближение по фронту, «Сокол-четыре», опасное сближение по фронту, – забубнил речевой информатор.

Капитан-лейтенант чуть отдал ручку на себя, чтобы занять позицию выше – его болтало, как игрушку, в турбулентных струях летевшего впереди самолета, авиагоризонт словно с ума сошел. Поднявшись выше, он занял исходную позицию, где не так трясло, и хотел вызвать неопознанный самолет на международной частоте, но вдруг передумал. Если неизвестный пилот его не видит – лучше сначала попытаться разобраться, что перед ним, только потом запрашивать опознание...

– «Сокол-три», ты видишь его? – запросил капитан-лейтенант своего ведомого.

– «Сокол-четыре», визуального контакта нет, но тварь приличных размеров, судя по следу.

– «Сокол-три», отойди влево и прикрывай меня. Я собираюсь запросить его на международной частоте. Будь наготове.

– Понял, сэр.

После модернизации палубный истребитель-бомбардировщик «F18E/F» был оснащен новейшей аппаратурой, частью которой являлся радар APG-79, предоставляющий возможность летать в экстремальных условиях так же уверенно, как при видимости сто. Картографирование местности, режим автоматического огибания на предельно малой, автосопровождение до десяти объектов, стрельба одновременно двумя ракетами по одной цели и двумя ракетами по двум целям – все это было реализовано. Сейчас капитан-лейтенант собрался воспользоваться одной из новейших функций своего радара – он вывел на правом многофункциональном дисплее список команд для радара, выделил нужную цель, нажал F11 и замер в ожидании, стараясь держать самолет как можно ровнее, чтобы сократить время работы системы. Подпрограмма опознавания по радарному отражению проскочила за семь секунд – и капитан присвистнул в изумлении, смотря на то, что компьютер нарисовал ему на дисплее.

Это был военно-транспортный самолет средних размеров, германский двухдвигательный «Юнкерс». Такие самолеты были на гражданке, но их было немного, потому что транспортники, переделанные из пассажирских машин, даже устаревших, более экономичны, а способность взлетать и садиться на грунтовые аэродромы нужна была разве что наркоторговцам. Значит, самолет военный. Возникал вопрос о государственной принадлежности и вообще – что этот самолет здесь делает. Дело в том, что для трансокеанских перевозок применяют куда более крупные машины, с куда большим запасом топлива, а у этой просто не хватит запаса топлива, чтобы долететь из Африки до Бразилии или Аргентины, куда она тут направляется. Два варианта: либо его дозаправили в воздухе, что ночью и при такой погоде очень рискованно, либо он садился для дозаправки на Святую Елену. Но это же британский военный аванпост, неужели они позволили транспортнику противника приземлиться и дозаправили его?

И какого хрена он тут летит.

– «Сокол-три», я «Сокол-четыре», пересылаю тебе картинку, принимай.

– «Сокол-четыре», получаю... ни черта себе.

– «Сокол-три», готовность два. Подсветишь его мне.

– Понял, сэр, выполняю.

Каждый патрульный самолет F18E/F дальнего рубежа был вооружен двумя ракетами AIM-120 AMRAAM радарного наведения на подкрыльевых консолях, двумя ракетами AIM-9 Sidewinder на законцовках крыла и пятьюстами семьюдесятью восемью снарядами калибра двадцать миллиметров к авиапушке. Еще самолет нес три – максимально возможное количество – подвесных топливных банка на подкрыльевых консолях, чтобы увеличить продолжительность патрулирования. Сейчас пилот ведомого «Сокол-три» отошел еще дальше в сторону и активировал радар бортового управления огнем, передавая данные на самолет ведущего «Сокол-четыре» в режиме реального времени. «Сокол-четыре» отключил радар вообще, став невидимым для возможного противника. Одновременно информация о перехвате пошла на авианосец. Современная система обмена информацией была такова, что эту картинку с радара могли получить в реальном режиме времени хоть в Норфолке, в главном штабе ВМФ, хоть в Белом доме, хоть на «Форрестале», хоть на любом другом североамериканском самолете, который находился в любой точке земного шара и был бы готов принять информацию.

– «Сокол-три» готов, полный рок-н-ролл, сэр.

– «Сокол-два», это «Сокол-четыре», как обстановка?

– «Сокол-четыре», здесь «Сокол-два», держусь на шести тысячах. Здесь все спокойно, ближайшие бандиты²³ в тридцати милях от нас, к северу, активности не проявляют. Иванам тоже не спится...

– «Сокол-два», я «Сокол-четыре», будь наготове.

– «Сокол-два» принял.

В этот момент вышел на связь дежурный летный босс²⁴ на авианосце:

– «Сокол-четыре», я «Звезда», мы получаем картинку, что там у вас?

Капитан-лейтенант узнал голос Уайта Генри, пожилого и достаточно опытного офицера, доматывающего выслугу на «Форрестале».

– «Звезда», я «Сокол-четыре», у меня здесь неопознанный транспортный самолет типа «Юнкерс» неустановленной государственной принадлежности, он не выглядит опасным, но я собираюсь запросить его.

– «Сокол-четыре», выглядит как наркоторговец.

– «Звезда», для наркоторговца он летит в неправильном направлении.

– «Сокол-четыре», вопрос – вам хватит топлива?

– «Звезда», еще минут десять можно развлекаться. Я закончу здесь и пойду домой.

– «Сокол-четыре», будь осторожен, отбой.

Капитан-лейтенант вызвал панель управления вооружением и переключил его с SAFE на ARM. Только после этого он вышел на используемый в таких случаях второй «чрезвычайный» канал международной системы UHF.

– Внимание неопознанному транспортному самолету юго-западнее святой Елены, следующему курсом норд-вест. Это перехватчик ВМФ САСШ, позывной «Сокол-четыре» с авианосца «Форрестал», занимаю позицию на десять часов в одной тысяче футов позади вас. Ваш курс ведет в сторону запретной для полетов гражданских самолетов зоне, установленной североамериканским ВМФ. Мы маневрируем рядом с вами для визуальной идентификации. Прошу выйти на связь и сообщить свой позывной и государственную принадлежность.

Из осторожности капитан-лейтенант Бримли не стал раскрывать количество самолетов в группе.

В эфире не было ничего, кроме молчания.

– Внимание неопознанному транспортному самолету юго-западнее Святой Елены, следующему... – начал снова капитан-лейтенант.

– «Сокол-четыре», мы слышим вас, – слышимость была хорошей, – мы гражданский борт, позывной «ноль шестьдесят один», взлетели с Луанды и следуем в Ресифи, Бразилия, с гражданским грузом, прием.

Капитан-лейтенант сразу понял, что они лгут. Дело в том, что при каждом взлете им сообщали, какие прибрежные аэродромы открыты, чтобы в случае, если потопят авианосец, можно было бы попытаться посадить самолет там и интернироваться или даже сдать. Луанда, принадлежащая Королевству Португалия, была закрыта по погодным условиям, самолет никак не мог взлететь оттуда.

– «Ноль шестьдесят первый», это «Сокол-четыре». Вы не дотянете до Ресифи, у вас не хватит топлива, прием.

– «Сокол-четыре», я «ноль шестьдесят первый», не беспокойтесь за нас, у нас дополнительные баки, прием.

Капитан-лейтенант понял, в чем дело. Наркоторговцы! Скорее всего, идут в обратный путь, привезли в Африку дурь, которая потом пойдет в Европу, оттуда загрузились... вполне возможно, либо деньгами, либо даже золотыми слитками. Рейхсмарки принимаются в Арген-

²³ Кодовое обозначение самолетов противника в радиообмене.

²⁴ Дежурный летный офицер, старший над находящимися на авианосце пилотами, имеющий право принимать решения.

тине наряду с местными песетами, к тому же есть купюра на тысячу рейхсмарок, что делает очень удобным рассчитываться за наркотики именно в этой валюте. Наркоторговцы пользуются именно такими самолетами, среднего класса, способными взлетать с небольших полевых аэродромов – и в то же время с запасными баками, способными пересечь Атлантику.

– «Ноль шестьдесят первый», я «Сокол-четыре», сообщите свою государственную принадлежность и намерения.

– «Сокол-четыре», самолет принадлежит частной авиакомпании, зарегистрированной в Португалии, на борту экипаж из подданных Его Величества Короля Португалии. Следуем в Ресифи, Бразилия, курсом норд-ост.

– «Сокол-четыре», здесь «Сокол-три», наблюдаю неопознанные цели с севера, идут курсом на вас...

– «Ноль шестьдесят первый», почему вы следуете с выключенными огнями и ответчиком, нарушая правила самолетовождения?

– «Сокол-четыре», мы попали в грозу, и нас сильно потрепало, прием.

– «Ноль шестьдесят первый», это предупреждение ПВО, ваш курс ведет к опасности, вы следуете к запрещенной для полетов зоне и с нарушением правил самолетовождения. Приказываю принять курс семьдесят...

– «Сокол-четыре», на вашем месте я бы не приближался.

– «Сокол-четыре», фокс три, редскинз, мы атакованы!

Капитан-лейтенант мгновенно принял вправо и вверх.

– Фокс три, фокс три, фокс три²⁵, атака, атака, атака!

– «Сокол-четыре», здесь «Звезда», что у вас там происходит? Мы видим неопознанные цели на радаре!

– Я «Сокол-четыре», атакую!

– «Звезда», я «Сокол-два»...

²⁵ Кодовое обозначение, обозначающее выпущенную ракету с активной радарной головкой наведения.

Июнь 2005 года. Международные воды. Нефтедобывающая платформа Lone Star-2

– Как я понимаю, их сбили, – подытожил я.

– Точно, – невеселым тоном сказал вице-президент САСШ, – ублюдки кузены подняли несколько тяжелых перехватчиков «Молния»²⁶ с острова Святой Елены и нанесли удар нам под дых, когда мы этого совсем не ожидали.

– В тысяча восемьсот первом году, – сказал я, – британский адмирал Нельсон без предупреждения открыл огонь по датскому флоту, находясь в датском порту с дружественным визитом, и потопил его. Во время нашей войны с Японией Британия не просто сделала все, чтобы мы потерпели поражение, – она сама приняла участие в этой войне на стороне Японии²⁷, сделав все, чтобы мы потерпели поражение. Для Британии нет и не может быть союзников, это подлая и коварная нация, ханжески коварная и лицемерно жестокая, они готовы всадить нож в спину любому, стоит только отвернуться. Нет предела их подлости, нет счета их злодеяниям. В то же время именно Российская Империя во время гражданской войны в вашей стране своей твердой позицией сделала невозможным выступление Англии и Франции против вас на стороне Конфедерации южных штатов. А теперь скажите мне, господин вице-президент, почему именно британцы, а не мы являемся союзниками вашей страны...

– Это риторический вопрос? – спросил Мисли.

– Почему же, мне интересно услышать ваш ответ, сэр.

– Видите ли... Я могу назвать вам некоторые имена, князь. Но даже стены имеют уши, и после этого ни вы, ни я не доживем до Рождества. В какой-то степени мы, наша страна, до сих пор колонизирована. Поэтому-то я хочу еще раз встретиться с вашим Императором. Допустим даже, как частное лицо, не как вице-президент САСШ.

– Свободные просят помощи у рабов, – сыронизировал я.

Мисли только махнул рукой.

– Вернемся к нашим баранам. Что произошло потом?

– Баранам, князь?

– Это у нас так говорят. Вернемся к ситуации над южной частью Атлантического океана ночью двадцать девятого августа второго года. Ваши самолеты были атакованы ракетами с британских тяжелых истребителей с острова Святой Елены. Что произошло потом? Кто-то выжил?

– Сбили всех. Выжил один из четверых, как раз «Сокол-четыре», капитан-лейтенант Бримли. Когда его допрашивали, он показал разведке ВМФ, что открыл огонь из пушки, судя по всему, он мог попасть в неопознанный транспортник.

– Почему он открыл огонь?

– По-видимому, решил, что неопознанный самолет представляет собой угрозу, и решил устранить ее доступным ему методом.

– Что показали данные объективного контроля?

– Посмотрите сами. Я не читал папку полностью.

²⁶ TSR-2 – тяжелые реактивные самолеты типа F111, могли нести оружие всех типов и классов.

²⁷ Теперь уже установлено, что со стороны Японии в сражениях участвовало намного больше судов, чем первоначально было заявлено, это могли быть только суда британского флота, базирующиеся на Гонконге. Лучшим капитаном японского императорского флота был признан капитан первого ранга Пакенхэм, награжденный японским императором высшим военным орденом страны. Британия поставила нам неисправные артиллерийские дальномеры, именно это стало причиной того, что наши артиллеристы постоянно промахивались.

Я начал перебирать бумаги. Объективный контроль показал, что неопознанный самолет держался в воздухе еще по крайней мере тридцать секунд после того, как «Сокол-четыре» выпустил очередь из пушки. Не было никаких признаков того, что он был сбит или подбит, нормальный полет, ничего необычного.

– Чем это все закончилось?

– Британцы заявили, что перепутали нас с русскими.

– Что?! И вы поверили?

– Вопрос был не в этом. У нас было несколько ваших авианосцев в Атлантическом океане, мир стоял на пороге войны! Еще не хватало стычки с кузенами! Решили утереться и забыть, вот чем это все закончилось.

Я пролистнул папку до конца – больше ничего интересного не нашел.

– Вы отследили маршрут этого неопознанного транспортного средства?

Мисли улыбнулся.

– Отследили.

– И?

– Сударь, вы задаете слишком много вопросов. Я так полагаю, на борту этого транспортного средства было ядерное оружие?

– С чего вы это взяли?

– Да так. Сопоставил два и два. Это ваш фунт мяса, господин Воронцов. Ваша страна облажалась по полной программе, простите мой французский. Устройте мне встречу с вашим Императором – и я расскажу вам эту историю до конца.

– Если вы правы в своих предположениях – вы понимаете всю степень риска, сэр.

– Именно поэтому с выполнением моей просьбы не стоит тянуть. Вы мне – встречу, я вам – историю до конца.

Мисли показал на дверь.

– Мы вылетаем через двадцать минут. Если желаете – Иден проведет по платформе, покажет ее. На нее стоит взглянуть, нам она обошлась в чертову кучу денег.

Я покачал головой:

– Разговор не закончен, сэр.

Почему-то такие вот люди, сэлф мейд мэны, считают, что они всегда и все контролируют, и если они с кем-то и о чем-то договариваются, то договоренность будет достигнута на их условиях, и ни на каких иных. Вот и этот... вице-президент страны, которого мало на что хватило, почему-то решил, что он нашел ту морковку, которую можно повесить перед моим носом.

Нет, мистер, ошиблись...

– Черт возьми, почему бы вам просто не организовать встречу?! – взорвался Мисли.

– Потому что я до сих пор ничего не получил, кроме кучи подозрительных документов, сэр, вот почему...

Вице-президент молчал какое-то время, приходя в себя от моей наглости. Как же – русский, которого он высочайше соизволил принять, диктует ему условия. Потом решив, что лучше смириться, спокойным голосом спросил:

– Хорошо, что вам нужно?

– Так лучше. Видите ли, сэр, в настоящее время я не нахожусь на военной службе и вынужден сам зарабатывать себе на кусок хлеба. Как могу – думаю, вы знаете, в чем заключается мой бизнес, сэр...

– Вы хотите контракты? – догадался Мисли.

– Вот именно. Я хочу войти в ближний круг. И получить в самое ближайшее время пару приличных контрактов в Бразилии. Перевозками занимается Келлог Браун и Рут, на ваш кусок хлеба я не претендую. Но пара контрактов... например, на охрану... нефтяные терминалы,

торговые миссии, что-то в этом роде, сэр. Выгодно и необременительно. Контракты на поставку оружия полицейским структурам, обучение... у нас есть чему поучить их, сэр, вы это знаете. Распродажа армейского имущества по сниженным ценам. Полагаю, это в ваших силах, сэр, ведь до сих пор на посту министра обороны – ваш человек.

– Хорошо, получите, – кивнул вице-президент.

– И еще...

– Еще?!

– Я буду предельно благодарен, сэр, если вы меня познакомите с вашими друзьями в СРС и РУМО²⁸.

– А это-то вам зачем?

– Видите ли, сэр. Мы можем обмениваться информацией на взаимовыгодной основе, и это не повредит ни моему, ни вашему бизнесу, сэр. Да, сэр, не повредит. Сейчас меня конкретно интересует информация по местонахождению бывших высокопоставленных сотрудников САВАК. Об информации и услугах на обмен готов разговаривать.

Последние слова привели вице-президента в ступор.

– А САВАК-то тут при чем? Вы что, хотите устроить вендетту? Вы же уже давно не губернатор Персии, какое вам дело до всего этого?

– Поверьте, сэр, дело есть. – Я понял, что надо объяснить поподробнее, и начал лгать: – Для того, чтобы это понять, надо понимать психологию дворянства. Мне как дворянину неприятно, что меня отстранили от работы как не справившегося. Конечно, в высочайшем указе такого не было, но это именно так. Это позор, сэр. А позор со временем – как шрам на дереве, становится лишь толще. Вот почему я хочу навестить этих людей и переговорить с ними относительно событий, имевших место в Персии в то время, когда я справлял там обязанности губернатора. Могу поклясться честью дворянина, что не буду их убивать. Разве что из самозащиты.

Мисли раздосадованно покачал головой.

– Это будет непросто.

– Сэр, уверен, что в спецслужбах остались люди, помнящие вашу доброту...

Вице-президент тяжело вздохнул.

– Хорошо. Попробую что-то для вас сделать. Заранее не гарантирую ничего.

– Я и не жду гарантий. И хорошо понимаю, что сотрудничество предполагает сношения, одинаково полезные для обеих сторон.

Мисли кивнул, посмотрел на часы – они у него были на удивление дешевые, старой модели, марки Bulova. Привычка политика – не носить дорогих часов и вообще ничего такого, за что может зацепиться глаз фоторепортера.

– Пора лететь. А вы умеете делать дела, князь.

– Спасибо, сэр. Полагаю, что в этой части света никто не может сравниться в умении делать дела с вами, сэр. И надеюсь на то, что наша встреча не последняя.

Вот так – я добыл пару контрактов для Марианны. И так я вляпался в эту историю – уже окончательно и бесповоротно.

²⁸ Разведывательное управление министерства обороны.

Картинки из прошлого

Июль 2005 года.

Атлантический океан, западнее Азорских островов.

Ударный авианосец «Цесаревич Николай»

Встреча была организована довольно быстро и должна была состояться на ударном авианосце «Цесаревич Николай», несшем службу в Атлантическом океане, близ экватора. Государь должен был прибыть туда инкогнито, переместившись сначала на базу русского флота в Ницце, затем – самолетом снабжения из Ниццы напрямик на авианосец.

Мы с вице-президентом САСШ Мисли погрузились в «Боинг» и перелетели на Азорские острова. Эти острова, расположенные в Атлантическом океане, лет пятьдесят-шестьдесят назад были одним из самых оживленных воздушных перекрестков мира. Тогда еще не было надежных трансатлантических лайнеров, и все самолеты, выполняющие рейсы между Старым и Новым Светом, приземлялись здесь на дозаправку. Сейчас трансатлантических лайнеров полно – и Азорские острова стали частично военной базой, сданной в аренду Священной Римской Империи, частично раем для яхтсменов. Боевые корабли Кригсмарине и роскошные двух– трехпалубные яхты стояли рядом...

На Азорских островах мы сменили вид транспорта. В качестве вертолетного транспорта на этом аэродроме использовались большие русские «Сикорские», потому что только они могли летать на материк и обратно, обеспечивая достойную надежность и низкий расход топлива. Вертолет арендовал уже я – один огромный вертолет для нас двоих, и с переплатой за срочный случай. Испанка, работавшая в прокате, посмотрела на меня с подозрением – у меня были германские документы, я говорил по-немецки и был похож на немца, а немцы никогда не стали бы сорить деньгами, лишний пфеннинг не потратят. Но вертолет мне оформила – деньги есть деньги. Поблагодарив *fröulein* за помощь, я вышел обратно на летное поле VIP-терминала, и электрокар отвез меня и вице-президента к вертолету...

Проблема возникла, когда я объявил, куда мы должны лететь. Первый пилот самолета, немец по национальности, изумленно вытаращился на меня:

– Русский авианосец?

– Именно, герр... – я посмотрел на табличку с именем на груди, – герр Браушенбах. Именно туда я хочу попасть.

– Nein! Nein! Unmöglich! Verboten!²⁹

Я достал из бумажника несколько купюр в тысячу рейхсмарок, положил на приборную доску рядом с ним.

– Nein! Wir abgeschossen! Nein!³⁰

Понимая, что все немцы тупые и упертые ослы, и я так могу уговаривать его до второго пришествия, я сменил тактику.

– Герр Браушенбах. Это очень важно. – Я достал дипломатический паспорт, который у меня был, показал его немцу. – Это жизненно важно. Никто нас не собьет, наоборот, встретят со всем уважением...

Немец взял паспорт, посмотрел на него с сомнением. У немцев в подкорке сидит любовь к различным документам и понимание того, что если надо – то оно и в самом деле надо. Очень дисциплинированная нация.

²⁹ Нет! Нет! Нельзя! Запрещено! (нем.)

³⁰ Нет! Нас собьют! Нет! (нем.)

- Spion? – осведомился немец.
- Diplomat, – обиделся я.
- Gut... – наконец-то решился немец, возвращая мне паспорт, – das verrückt...³¹

Истребители нашли нас, как только мы преодолели километров десять и вышли из зоны ограниченных полетов – она была над островом, это были сектора снижения военных и гражданских самолетов. Мы направлялись в сторону авианосной группы, вертолет был гражданским – но все равно, это было достаточным основанием для проверки.

Вертолет, несмотря на весь его немалый вес, шатнуло – реактивный самолет не мог поддерживать такую же скорость, как вертолет, – и истребитель прошел над нами, описывая круг...

Я протиснулся в кабину, показал на наушники:

- Lassen?³²

Немец, уже смирившийся с тем, что везет сумасшедших, знаком приказал дать мне наушники.

Аппаратура связи была германской, Telefunken, но все рации мира похожи одна на другую, чтобы квалифицированный радист мог работать на любой из них. Я надел гарнитуру рации, поставил на передачу, нашел частоту палубной авиации – три четыреста сорок килогерц, не забыл еще...

– ...вертолет, направляющийся курсом норд-вест, немедленно назовите себя. Вы направляетесь к запретной для полетов зоне, ваш курс ведет к опасности, немедленно назовите себя, немедленно!

– На связи гражданский вертолет, курс норд-вест, позывной «Эпсилон-браво», повторяю – «Эпсилон-браво».

– Гражданский вертолет, этих позывных нет в таблице связи, назовите себя.

– BBC, передайте этот позывной старшему летному офицеру на вашей посудине, немедленно, – я говорил по-русски, и то, что я говорил, показывало, что я знаю, кто на авианосце имеет право принимать решение и руководить летными операциями. – Повторяю, «Эпсилон-браво» для старшего летного офицера, немедленно.

– Гражданский вертолет «Эпсилон-браво», по фронту от вас запретная зона, не приближайтесь к ней, оставайтесь на месте.

Немец вопросительно посмотрел на меня.

– Продолжаем движение. Не торопитесь, баки полные.

Ответ пришел ровно через минуту.

– Гражданский вертолет «Эпсилон-браво», можете следовать своим курсом, запросите вышку три для обеспечения посадки. Удачи.

– Спасибо, и вам того же...

Я снял наушники.

- Erlaubt³³.

Ударный авианосец «Цесаревич Николай» находился примерно пятьюдесятью милями западнее, даже северо-западнее Азорских островов, он стоял по ветру, готовый выпускать самолеты. На палубе возились техники, стояла дежурная авиагруппа – я заметил четверку тяжелых самолетов дальнего рубежа и несколько, семь или восемь, легких. Чуть в стороне, у самой кормы стоял вертолет поисково-спасательной службы в полной боевой. Нас приняли на самую корму, там был нарисован большой белый квадрат, и два летных техника помогали нам

³¹ Сумасшедшие (нем.)

³² Позвольте? (нем.)

³³ Разрешено (нем.)

с посадкой. Сели удачно – волнения почти не было, да и не страшны такому гиганту волны. Под сотню тысяч тонн водоизмещения – не шутки...

На летной палубе, пахнувшей, как и на всех авианосцах, реактивным топливом и горелой резиной, нас встретили несколько человек, одетых как летные техники, в коричневых легких ветровках и радиофицированных шлемах – здесь, на палубе, у каждого члена палубной команды была форма своего цвета, указывающая на его специальность. Коричневая форма означала, что перед вами технический специалист, механик по самолетной части.

Среди них был собеседник для Мисли – Его Императорское Величество, Николай Третий, и для меня – действительный тайный советник Путилов. Вероятно, господин Путилов выживет и при ядерном взрыве...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.